

Елена Левашова

БАБОЧКА В СТЕКЛЕ

ТОМ 2

Любовь способна на все...

18+

18+

Елена Левашова
Бабочка в стекле. Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Левашова Е. В.

Бабочка в стекле. Том 2 / Е. В. Левашова — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Что важно для счастья каждой из нас? Любовь, семья и дети, здоровье, карьера. Эта книга о молодой женщине, живущей в Красноярске, о случайных и закономерных изменениях в её жизни. Драматические события заставляют героиню изменить себя, а читателя – переживать за Анну и её ближайшее окружение. Все точно, как в жизни: развод, свой бизнес и чужие финансовые махинации, убийство и расследование, новая любовь и новый статус. В круговороте событий Анна собирает "бабочек в стекле" – ощущения и чувства, которые хочет сохранить в памяти.

© Левашова Е. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

Анна почувствовала себя так, будто её окатили ледяным душем. В глазах потемнело от волнения и обиды. Борис разжал её кисти и устремился вверх по лестнице.

Она задыхалась от унижения и боли, пытаясь осмыслить происшедшее. На ватных ногах спустилась в паркинг, дрожащими пальцами открыла дверь машины. Что произошло? Он хотел унижить её? Снова поставить на место?

Женщина нервно рассмеялась. Её сотрясал смех, переходящий в рыдания. Её догадка была очевидной. Он хотел лишь морально растоптать её, а она, как последняя дура, отвечала на его лживые поцелуи! Неужели Борис так злопамятен?

Анна выехала из паркинга. Безумие страсти отпустило, уступив холодному рассудку. Возмущение кипело, обида застилала глаза ...

Она позвонила Михаилу:

– Михаил Александрович, к сожалению, я не смогу быть сегодня на вечеринке! Извините... – сдавленно сообщила Анна.

– Анечка, это невозможно! Приезжают Карл и Ларс! Как ты прикажешь мне общаться с ними? – возмутился Михаил. – Разве так делается? В последний момент!

– Хорошо, а если я найду себе замену? – обнадёжила его Анна, заранее зная, что никакой замены найти не сможет.

– Аня! Ну какая замена? Расскажи, что случилось? Может, я смогу помочь? – недоумевал Михаил.

«Можете открутить голову своему сыночку...» – подумала она, но вслух сказала:

– Хорошо, извините меня. Я решу свои проблемы до вечера и приеду...

Во время этого разговора с Анной в кабинет Михаила зашёл Борис. Он кивнул отцу и сел за письменный стол, склонившись над договорами со шведами. По всей видимости, они были составлены Аней. Вот для чего её вызывал отец!

– Боря, почему у тебя мокрая голова? Ты в порядке? – Михаил, закончив разговор по телефону, посмотрел на сына. Тот размашисто подписывал бумаги.

«Пришлось охлаждать свою страсть холодной водой из-под крана...» – подумал он, но ответил отцу, улыбнувшись:

– Пап, я был в спортзале! Всё со мной в порядке, не волнуйся!

Времени на сборы у Анны не оставалось. Наверняка после мерзкого, подлого поступка Борис ожидает её реванша! Надеется, что она оплатит ему той же монетой?

Слезы застлали её глаза, не хотелось больше их сдерживать. Она остановилась во дворе своего дома и опустила голову на руль... Больно, обидно... Её захлёстывали ярость и ненависть! Когда Анна, немного успокоившись, собралась заглушить двигатель и выйти из машины, зазвонил телефон.

Ей звонили из бухгалтерии Уэльского университета. Анна попросила прислать на почту счёт на оплату обучения дочери несколько дней назад. Наверное, потребовались уточнения, иначе чем объяснить их звонок? Экономист утверждала, что обучение студентки Марины Рауде полностью оплачено ещё в июле. Анна несколько раз повторяла фамилию Марины, не понимая, каким образом это произошло. Чопорная, аккуратная сотрудница университета была оскорблена недоверием Анны, окончательно убедив её в достоверности произведённой оплаты.

Анна вежливо извинилась и закончила разговор. Кто же этот благодетель? Им мог быть только Отто! Почему же он не признался? Не похвастался ей своим поступком и не воспользовался случаем уложить её в постель!

Надо обязательно поблагодарить его сегодня вечером. Черт бы побрал эту вечеринку! Почему Михаил все время настаивает на её присутствии? Он мог бы нанять переводчика со стороны!

Анна подъехала к уютному ресторану на воде в числе опоздавших. Михаил сам встретил гостей в аэропорту, решив не затруднять в этот раз переводчицу.

Отто рвался приехать в гости, познакомиться с её мамой, только Аня на ходу придумала весомую отговорку в виде гипертонического криза, внезапно случившегося с Татьяной Николаевной. Расстроенный, он взял такси и приехал в ресторан.

Никого впечатлять и соблазнять в этот вечер ей не хотелось. Анна настроилась хорошо выполнить свою работу, быть приветливой с симпатичными ей шведами – давними партнёрами холдинга.

Отто встретил её на входе. Благоухающий, одетый с иголочки, он широко улыбался ей, не скрывая радость от встречи:

– Аннет, какая ты элегантная, красивая! – он прильнул губами к её кисти. Анна взяла его под руку и последовала в холл ресторана.

Она мило улыбалась и прижималась к Отто, пока они шли к банкетному столу. Большинство гостей и сотрудников холдинга прогуливалось по уютной территории ресторана на воде, наблюдая за красивыми лебедиными парами. Михаил вместе с шведскими гостями уже сидел во главе накрытого стола. Увидев Анну, Карл и Ларс помахали ей рукой!

– Привет! Карл, Ларс, лебедей видели? – осведомилась она у гостей по-английски. Те наперебой рассказывали о своих впечатлениях об этом живописном месте.

– Анечка, как я рад, что ты приехала! Мне так тяжело с ними! – вздохнул Михаил.

– Разве Борис Михайлович не помогает вам? Он же вполне сносно говорит по-английски? – удивилась Анна.

– Его нет ещё! Так что я тут сам с ними...

– Михаил Александрович, могу персонально заниматься с вами английским! – улыбнулась Анна.

В холл ресторана зашли Берта с сыном Мишей и начальник отдела, полковник Сергей Орлов. В этот раз он был в числе гостей. Михаил попросил Берту пригласить всех за стол.

Гостей было немного, в основном давние коллеги Михаила и его приятели. Берта Михайловна села возле Анны и Отто, весьма любезно поздоровавшись. Анна ответила на приветствие и похвалила костюм Берты насыщенного винного цвета, который ей очень шёл.

Звон хрусталя, смех и разноголосый гул застойной оживленной беседы нарушил приятный мужской баритон:

– Добрый вечер! – Борис в компании очаровательной спутницы подошёл к столу. Не взглянув на Анну, он подал руку для приветствия Карлу, Ларсу и Отто.

– Боренька, Ирочка! Проходите скорее! – Берта вскочила с места, обняла спутницу Бориса и проводила пару к столу. По всей видимости, родственники Бориса были знакомы с ней.

Михаил Александрович попросил Анну сесть к нему поближе. Ему нужно было обсудить со шведскими партнёрами рабочие вопросы.

Анна ерзала на своём месте, сухо чеканя по-английски. Она старалась не смотреть в сторону Бориса и сногшибательной рыжеволосой девушки, но не могла усмирить волнение: гнев, смятение, ослепляющая обида, унижение – все чувства сразу переполняли её...

Она глубоко вздохнула и по-английски предложила гостям полюбоваться закатом. Ларс улыбнулся и похлопал отца по плечу, предлагая прогуляться. Михаил последовал за ними на террасу.

В это время музыканты настраивали аппаратуру. От нежного звучания гитары, ритмичных переливов ударных инструментов волнение Анны только усилилось, а сердце выпрыгнуло из груди...

Солнце отражалось от поверхности воды. словно рассыпанная золотая пыль, оно искрилось и играло мелкими речными волнами. Анна часто дышала от волнения, жадно вдыхая прохладный свежий воздух.

К их компании подошёл Отто с бокалом белого вина. Он протянул его Анне и ласково тронул её локоть.

– Дорогая, хватит работать, пойдём танцевать, – прошептал он ей на ухо. Анна пригубила вино.

– Я хотела поговорить с тобой! Почему ты скрыл от меня? Ты не хочешь признаться? – она пристально смотрела в его глаза.

– Ich liebe dich so sehr... – ответил он ей по-немецки, а потом повторил эту фразу по-русски, – я очень люблю тебя...

– Я не об этом, Отто! Это ты оплатил учебу Марины?

– Нет, Аннет! Ты же не просила меня! Ты запретила мне помогать тебе. Или что-то изменилось?

Анна недоумевала: неужели это сделал Борис?

Компания прогуливалась вдоль террасы. Михаил услышал прекрасную музыку, доносящуюся со сцены, и предложил всем вернуться в ресторан.

Анна крепко сжала руку Отто, когда они вошли в холл. Танцующие пары растворились в клубах цветного тумана, который выпускали специальные генераторы.

Свет был приглушен, освещалась лишь сцена. Отто увлёк Анну в центр зала, нежно обняв её за талию. Она положила голову ему на плечо, погружённая в свои тягостные мысли. Почему она не любит его? И можно ли заставить себя это сделать?

Анна заметила ярко освещённый столик на двоих, расположенный в углу зала, недалеко от танцпола. Он был сервирован, на нем горели свечи в кованых подсвечниках.

Сидя за столом, рыжеволосая незнакомка курила кальян. Наконец Анна смогла рассмотреть её: длинные, густые прямые волосы ниспадали каскадом по её плечам, оттеняя белую кожу, пышные наращённые ресницы подчеркивали большие светлые глаза. Незнакомка выпускала дым, вытянув пухлые губы. Она увидела приближающегося Бориса и встала, одаривая его лучезарной улыбкой. Высокая, длинноногая, в темно-зеленом коротком облегающем платье, подчеркивающим стройные ноги и полную грудь...

«Неудивительно, что он меня не хочет!» – подумала Анна.

Борис подошёл к девушке, шепнул ей что-то на ухо и поцеловал. Анна видела, как страстно она ответила ему, бесстыдно коснувшись языком его губ... Господи, как же больно... Невыносимо, жестоко... Но ей необходимо поговорить с ним! Выяснить, имеет ли Борис отношение к оплате учебы Марины.

Танец закончился, и Отто повёл Анну за их столик. Михаил оживлённо беседовал с Сергеем Орловым. Было понятно, что разговор серьёзный и конфиденциальный. На полпути Анна объяснила Отто, что ей необходимо отлучиться ненадолго. Он с тоской провожал взглядом её хрупкий силуэт, растворившийся в голубом тумане танцпола...

– Борис Михайлович! Мне нужно поговорить с вами... – Анна подошла к целующейся паре в самый неподходящий момент. Борис недовольно оторвался от пухлых розовых губ рыжеволосой красотки.

– Для разговоров есть рабочее время! Это подождать не может? – резко ответил он.

– Нет... Я много времени не займу... – сухо пробормотала Анна. Борис, извинившись перед своей пассивностью, подхватил Анну под локоть и потянул к дальнему углу открытой террасы.

Вечер был прохладным. Подушки белых пушистых облаков окрасились малиновым пламенем заката. Звуки музыки смолкли, и тишину нарушал лишь мерный плеск речных волн.

– Анна Александровна, по-моему, во время сегодняшнего нашего с вами общения я все предельно ясно объяснил... Или вам требуется повторить? – Борис сократил расстояние между ними. Она с силой оттолкнула его.

– А теперь послушай меня! Надеюсь, повторять мне тоже не придётся!

Борис, мучимый угрызениями совести от своего поступка, был намерен извиниться перед ней. Его гордому воображению представлялась милая, растерянная, униженная, повергнутая Анечка, но увидел он решительную, ледяную стерву.

– Я тебя посажу! Я не шучу! Если ты ещё хоть раз подойдёшь ко мне ближе, чем на два метра! – взволнованно выкрикнула Анна. От неожиданности Борис оторопел.

– Да ты чего... – выдал он, наблюдая, как она вжалась в перила деревянной террасы. Анна смахнула прядь с разгоряченного лица.

– Это ты оплатил учебу Марины? – взволнованно спросила она.

– Нет! Зачем мне это делать? Что ты возомнила о себе? Ты – никто для меня! Пустое место! – ответил он. – Спрашивай у своего обожаемого Отто!

– Он решительно отрицает свою причастность! – выпалила Анна, нарочно не обратив внимания на ранящие её до глубины души слова. Она стояла абсолютно невозмутимая, спокойная, как скала.

– Значит, это кто-то из твоих ухажеров и обожателей! – не унимался Борис.

– Хорошо, спасибо за честность! Мне не следовало даже спрашивать тебя об этом: понятно, что на такие поступки ты не способен, – ледяным тоном ответила она. – Значит, придётся обойти всех своих многочисленных ухажеров в поисках правды! – с этими словами она быстрым, уверенным шагом покинула террасу.

Анна, бледная, вошла в ресторан. Она озиралась по сторонам в поисках Отто, напряжённо вглядывалась в толпу танцующих, сидящих за столами гостей.

Вдруг её локоть кто-то сжал. Анна обернулась и облегченно вздохнула, увидев Отто. Его глаза светились страданием:

– Дорогая, я сделаю всё, чтобы ты его забыла... – прошептал он.

Анна прижалась к его груди, еле сдерживая слезы.

– Отто, не говори глупостей! Он – пустое место для меня! С чего ты взял вообще? Ты разве не видел, что он не один теперь? – оправдывалась женщина.

– Я говорю не о нём! Борис – циник и оболъститель. У него нет сердца! Я говорю о тебе, родная... – он нежно сжимал её плечи.

Анна увлекла его в толпу танцующих. Когда музыканты объявили перерыв, пара вернулась к своему столику. Михаил попросил Анну присоединиться к их с Орловым разговору.

– Анна Александровна, вы можете быть спокойны. Мы приостанавливаем следствие, больше не будет допросов и вызовов в комитет, – сказал Сергей Юрьевич.

– Как... – у неё от неожиданности округлились глаза. Анна перевела взгляд на Михаила, ища подтверждения с его стороны.

– Анечка, Сергей Юрьевич убедил меня в бесполезности поисков. Всем очевидно, что Юргис сбежал и прячется где-то за границей, скорее всего, под чужим именем.

– Неужели нельзя подключить Интерпол? – возмущённо воскликнула Анна. – Михаил Александрович, как вы согласились с этим? Вы разве не понимаете, что они просто не хотят работать? – гневно взглянула она на Орлова.

– Всех подключили сразу! Или вы думаете, у нас дети работают? Юргис Раудис в международном розыске с первого дня расследования! Только некоторые страны, к вашему сведению, не выдают преступников, даже зная о том, что они в бегах, – парировал Орлов. – Следствие проведено максимально качественно. Вы поздно хватились своего мужа, Анна Александровна! Чего вы хотите от нас?

Конечно, Орлов прав! Значит, надежды никакой нет? И она больше никогда не увидит Юргиса? Марина больше никогда не увидит отца?

Надо убедить Михаила нанять частного детектива, подключить другие ресурсы к поискам, помимо правоохранительных органов.

Анна попрощалась с Михаилом и Бертой. Деловые переговоры со шведами были благополучно проведены, и оставаться на вечеринке ей больше не хотелось.

– Поехали ко мне, Аннет... – Отто обнял её и поцеловал в щеку. Его поцелуи были «не такими», великолепный парфюм – «не таким», каждое его прикосновение лишь раздражало! В нём было всё «не таким», недостаточным для любви! Анна ругала себя за неспособность полюбить, но, кроме уважения и дружеской симпатии, ничего к нему не испытывала.

– Не могу... Я не могу так... – голос Анны дрожал.

– Милая, ты слишком серьёзно относишься к этому! Это просто секс! – убеждал её Отто.

– Для меня – не просто! – прошептала она.

Терпению Отто можно было позавидовать. Он понимающе улыбнулся и попрощался с Анной.

Служебные машины холдинга развозили выпивших гостей по домам и отелям. Ресторан опустел, наконец, оставленный под молчаливое наблюдение чёрных лебедей...

Глава 2

– Пожалуйста, ничего не трогай в моем доме, не убирай и не готовь! – сухо обратился к Ирине Борис, когда они сели в такси.

После разговора с Анной настроение его было безвозвратно испорчено. Неужели она сейчас с ним? С Отто? Предаётся дикой страсти в объятиях воспитанного на немецкой порнографии рафинированного сопляка? Стерва...

– Я и не собиралась! Готовить я не умею, убирать не люблю и не буду! Надеюсь, у тебя есть домработница? – отвлекла его от мыслей Ирина.

– Есть, конечно. Вот и чудно! Может, тебе удобнее будет жить в гостинице? – спросил Борис.

– Если тебе не нужна моя компания, я с удовольствием переночую сегодня в гостинице! – совершенно спокойным тоном ответила Ирина. – Только давай заедем к тебе за моими вещами, хорошо?

Борис был поражён степенью её безразличия. В хорошем смысле! Ей, по всей видимости, было всё равно, где ночевать и с кем спать. Он был ей абсолютно безразличен! Такси подъехало к дому. Борис, успокоенный равнодушным отношением Ирины, извинился за свою невежливость и попросил её остаться. В другой комнате... Ему ничего не нужно было от неё.

Анна окунулась в работу с головой. Студенты прибывали в языковой центр рекой – подтянуть забытые за лето знания, наверстать программу. Наконец-то она свободна! От Юргиса с его болезненной ревностью к её работе, от предрассудков. Свободна и самостоятельна, вольна распоряжаться своим временем и знаниями.

Учеба Мариночки начиналась в этом семестре немного позднее – в середине сентября. Анна радовалась возможности пообщаться с дочерью подольше. После работы они гуляли, болтали в уютных кафешках, ходили в кино.

Изредка Марине удавалось вытащить маму в парк, чтобы покататься на велосипедах. На выходных они брали в свою компанию Татьяну Николаевну и ехали на дачу. Ароматные шашлыки на природе, домашние мамины пироги и прогулки вдоль реки... Если бы только жизнь Анны не омрачали мысли о сбежавшем Юргисе. Или о презирующем её Борисе...

В начале сентября на адрес языкового центра Анны Рауде пришло приглашение. Она была уведомена о предстоящем праздновании дня рождения одного из владельцев холдинга – Борислава Колосовского. Именно так официально он приглашал её на свой праздник. Но напоминания Анюте не требовались: она никогда не забывала, что день рождения у Бориса 17 сентября. Ей вспомнилось, как раньше они с Наташей заранее готовили Борису подарки и пожелания. А позже, после её смерти, сама Анна поздравляла его, как близкого друга. Теперь же все изменилось...

В этом году поздравлять любимого, но ставшего чужим, у Анны не было желания. «Пустое место для меня...» – кинжальными уколами разрывали грудь его обидные слова. «Никуда я не пойду... Напишу сообщение, и всё на этом!» – решила Анна.

Начало осени выдалось дождливым и ветреным. Дождь монотонно барабанил в стекла без передышки. Марина позвонила Анне в обед с предложением пойти в кино.

Побыстрее закончив занятия с учениками, Анна решила позвонить дочери, но та оказалась недоступна. Значит, придётся ехать прямо к кинотеатру в условленное время. Остаток свободного времени Анна решила посвятить изучению предложений по госзакупкам для холдинга Колосовских и других фирм.

Спустя некоторое время она закончила работу и, торопливо сев в машину, снова набрала телефонный номер дочери. Марина по-прежнему не отвечала!

Лёгкое волнение прохладными щупальцами проникало в материнское сердце. Ещё чуть-чуть, и щупальца страха и паники задушат её!

– Мама... – Анна набрала номер матери. – Ты не знаешь, где Мариночка?

– Нет, Анечка, я с обеда не могу с ней связаться! Марина сказала, что поехала к тебе! – ответила Татьяна Николаевна.

– Господи... Где теперь её искать? – взволнованно воскликнула Анна.

– Няся, ты не паникуй раньше времени! Поезжай к кинотеатру для начала. Может, у неё батарейка села? – успокаивала Анну мать.

– Мама, мои предчувствия не обманешь! Я чувствую, что с ней случилась беда! – Анна остановила машину, так как разволновалась настолько, что не могла её вести.

Взяв себя в руки, она начала обзванивать друзей и знакомых Марины. Только все они наперебой отвечали, что утратили с ней связь ещё в обед.

В глазах потемнело... От волнения сбивалось дыхание, от дурных, страшных мыслей холодело в сердце. Анна уже не сомневалась, что с дочерью случилась беда! Она решила не повторять ошибки, которую допустила, когда исчез Юргис. Звонить следователю нужно сейчас же, не теряя ни секунды. Пусть её подозрения окажутся ложными, зато не будет упущено время!

– Алло... – Анна тяжело дышала в трубку. – Алексей Иванович, у меня пропала дочь!

– Анна Александровна, вы уверены? Сколько времени прошло с того момента, когда была утрачена связь с ней? – с досадой спросил Семенихин. Неужели нераскрытое дело осложнялось похищением?

– Марина звонила мне в обед... – прошептала обессиленная переживаниями Анна. – И не уговаривайте меня обращаться в полицию! Я уверена, что похищение Марины напрямую связано с ограблением холдинга!

– Если это действительно похищение, а не подростковая безответственность и безалаберность! Вам все равно придётся обратиться в полицию, чтобы завели розыскное дело, Анна Александровна, – строго ответил Семенихин, слушая в трубке всхлипывания.

Ориентировки были отправлены во все инстанции. Показания, сбор информации... Анна обессиленно от горя. Семенихин оставил её в управлении до поздней ночи – ждать входящего вызова от похитителя. Ему показалось странным, что звонок не поступил сразу же после исчезновения Марины.

– Анна Александровна, вы уверены, что ваша дочь попала в беду? Может быть, она отпрашивалась в какую-либо поездку с друзьями? – мялся Семенихин. – Знаете, как это бывает... Дачи, шашлыки с парнями, выпивка...

– Господи, Алексей, ну что вы несёте? По-вашему, о таком можно забыть?

Анна сидела на зеленом диванчике, напряжённо ожидая вердикта следователей. Семенихин отчитался о случившемся полковнику Орлову. Тот настаивал на передаче розыскного дела другому управлению. Предусмотрительный полковник по возможности отрешивался от лишнего груза. Следователи спорили, какое ведомство возьмётся за дело, а Анна чувствовала себя так, будто у неё живём вырвали сердце. Никакие переживания в её жизни не могли сравниться с материнской утратой. Юргис, Борис... Все стало малозначимым, несущественным. Обстоятельства жестоко отбрасывали из её жизни ненужные переживания и людей. Анну накрыло чувство вины... Оглушающей, разрушительной... Если бы она больше времени уделяла дочери и матери, такого бы точно не случилось!

Пока она сокрушалась, забившись в угол диванчика, поступил входящий вызов. Семенихин напрягся, но тревога оказалась ложной – звонила мама Анны. Он отвернулся со скучаю-

щим видом, и в этот момент Анна перевела смартфон на громкую связь. Татьяна Николаевна, всхлипывая, подтвердила подозрения дочери.

Из сказанного стало ясно, что Марина Рауде действительно похищена, а преступник вместо звонка использовал письменное обращение.

Конверт с требованиями был подброшен к дверям квартиры. Похититель потребовал десять миллионов рублей в обмен на возвращение Марины. В своём послании преступник намекнул, что муж Анны обеспечил её деньгами.

Орлов был прижат к стенке открывшимися обстоятельствами. Он сухо приказал Семенихину ехать к Анне домой для изучения конверта, а также отдал приказ об открытии розыскного дела, запросе данных с ближайших камер видеонаблюдения и опросе соседей.

Связь ограбления холдинга Юргисом и похищения была очевидной. Тот опрометчиво отказался платить своему сообщнику, за что поплатился. Вернее, груз боли и страдания в который раз лёг на плечи его жены. Бедная Анна... Алексей Семенихин еле сдерживался, чтобы открыто не высказать своё отношение к её пропавшему мужу. Он рассматривал конверт через лупу, ища зацепки на ровном белом листе с распечатанными курсивом буквами.

– Мерзавец! Как он мог допустить это? – Анна рыдала, уткнувшись в плечо матери, попрекая Юргиса.

– Анютка, надо искать деньги... – обессиленно ответила ей мать.

– Мама, у меня нет ничего, ты же знаешь: я все отдала Колосовским! Все, что получила за квартиру... Да и этого не хватило бы.

Семенихин нарушил их размышления:

– Анна Александровна, не торопитесь с деньгами. Преступник вам ещё напишет. Он не указал, где оставить деньги, что само по себе очень странно. Во-вторых, деньги должны быть переданы после того как вы убедитесь, что ваша дочь жива.

Анна снова закрыла лицо руками, заливаясь слезами. Алексей мялся на пороге квартиры, чувствуя неуверенность. Желание оставаться серьезным следователем боролось с потребностью по-дружески утешить страдающих женщин.

Ужасная ночь растворилась в багряном пламени рассвета. Звезды померкли в оранжевых лучах занимающегося солнца. Короткий болезненный сон Анюты прервал телефонный звонок. Она вскрикнула, увидев, что звонит дочь:

– Мариночка... Марина...

– Мама... – выдавливала девушка. – Мама, со мной все в порядке... Мой похититель положил передо мной листок с инструкцией. Я должна прочитать тебе её, затем телефон снова отключится... – Марина еле сдерживала рыдания.

– Доченька, читай, я все запишу! – от усталости Анна с трудом соображала, что делать. В темноте она нащупала выключатель, включила свет, схватила ручку и блокнот, лежащие на тумбочке в прихожей.

– Он требует приготовить деньги... Написано, что сумму ты знаешь, – пролепетала Марина.

– Марина, что дальше? Доченька, где ты? Скажи, родная! – самообладание Анны распалось на мелкие осколки. Она снова заплакала.

– Он написал, что свяжется с тобой, как только деньги будут собраны, – Марина тяжело дышала. Её голос дрожал от волнения и страха. – Мама, я не знаю, где я! Мамочка, помоги мне! – как только она стала рыдать в трубку, связь оборвалась.

В комнату вошла взволнованная Татьяна Николаевна. Она обняла Анну и долго гладила по голове, убеждая сообщить о похищении Колосовским.

– Мама, для чего им эта информация? Они ненавидят меня, считают сообщницей, лгуньей! А Боря... больше всех! – теперь уже поводом для слез послужила давняя обида.

Утром о звонке дочери было сообщено Семенихину. Он принялся за дело с присущей ему старательностью. Опрашивал соседей Анны, сотрудников языкового центра. Фотография Марины висела, казалось, на каждом столбе!

Ирина грациозно вышла из бассейна с морской водой, на ходу обтираясь полотенцем. Разочарованная холодным сибирским климатом, она убедила Бориса уехать на Сицилию, на арендованную ею до Нового года виллу.

Борис привлёк её к себе, отбрасывая полотенце. Он чувствовал соленый вкус губ и кожи, сжимая в объятиях.

– Ты – сумасшедший... страстный, неистовый... – шептала Ирина, задыхаясь от сладких поцелуев и увлекая Бориса в душ. Она выбрала правильную тактику в отношениях с Борисом, успокаивая его бдительность показным равнодушием...

Выйдя из душа, Ирина услышала звук входящего звонка. Звонили Борису, и она могла не отвечать, однако её внимание привлёк абонент с именем «Анечка». Та красивая кудрявая пигалица была предметом беспокойства рыжеволосой хищницы. Ирине без надобности было задавать вопросы Борису, ведь слышать ложь не хотелось. За него говорили взгляды, бросаемые украдкой на эту женщину, танцующую с другим, его ярость, раздражение в тот день, когда Ирина впервые познакомилась с Анной.

Изящная ручка без колебаний нажала зеленую кнопку. На том конце сдавленным голосом с ней поздоровалась Анна:

– Борис Михайлович, добрый день! Боря...

Ирина не сомневалась, что Анна плачет.

– Я слушаю, говорите! – деловито ответила она. – Скажите, что вам нужно, – я передам!

– Простите, вы, наверное, Ирина? Я – Анна Рауде... Мне нужно поговорить с Борисом лично... Это очень важно!

– Анна, мне велено передать, что разговаривать с вами Борис не хочет. Рабочие вопросы будьте добры решать с другими Колосовскими! – отрезала Ирина.

– Прошу вас, это очень важно! – всхлипывала Анна, забыв о гордости. – Мне нужна его помощь...

– Анна, жалость – худшее средство для привлечения мужчин! – безжалостно выпалила Ирина и закончила разговор.

Обессиленная от унижения Аня сползла по стенке прихожей. Столько боли сразу? Нет, Господи... Пожалуйста, пощади! Она вмиг взяла себя в руки, увидев застывшую в дверях пожилую мать. Анна должна держаться ради матери и дочери, ради единственных близких ей людей! От разговора с Ириной остался неприятный осадок отвращения и неприязни...

Марина вернулась в полночь, на третьи сутки после похищения. Позвонила в домофон, поднялась на лифте. Анна не в силах была расспрашивать дочь о случившемся, лишь гладила её по лицу, голове, пытаясь усмотреть повреждения или следы побоев. Они долго плакали, обнявшись.

Татьяна Николаевна позвонила Семенихину. Тот немедленно приехал, чтобы взять показания. Марина была более спокойной, чем встревоженные мать и бабушка.

Убедившись в адекватном эмоциональном состоянии девушки, Семенихин приступил к допросу. Такого необычного похищения в своей практике он не встречал!

– Он отпустил тебя? Вот так взял – и отпустил? – недоумевал Алексей.

– Да... Голоса его я не слышала. Он показывал мне бумаги с инструкцией. Там было написано, что мне нужно сделать, – отвечала Марина.

– Как он тебя захватил? И где держал? Он бил тебя? – вмешивалась в расспросы Анна.

– Мамочка, нет! Приложил к носу платок, пропитанный чем-то... – скривилась Марина.
– Я потеряла сознание, а очнулась в пустом гараже! Он завязал мне глаза, связав руки.

– Марина, вы можете описать вашего похитителя? Машину, на которой он вас вёз? Район, местоположение этого гаража?

Марина напрягалась, припоминая детали.

– Нет... Я видела гараж только изнутри. Похититель приходил ко мне два раза в день, приносил еду и воду. Мужчина был в чёрной защитной маске с прорезями для глаз и объёмном плаще, похожим на плащ-палатку. Никаких примет мне не удалось разглядеть, к сожалению, – вздохнула Марина. – Я была без сознания, когда меня везли в гараж, ничего об автомобиле сказать не могу.

Семенихин разочарованно вздохнул. Похоже, сообщники Юргиса такие же хитрые, изворотливые преступники, как он сам. Провернуть похищение, не оставив зацепок. Похитить девушку, а потом отпустить? Не убить или добиться выкупа, а отпустить? Алексей почесал взъерошенную рыжую шевелюру и произнёс, глядя на Анну:

– Уверен, что Юргиса поставили в известность о похищении дочери, как и вас, Анна Александровна! Поэтому он заплатил сообщнику то, что изначально ему причиталось, в обмен на освобождение дочери.

– Я подумала точно так же, Алексей Иванович. Значит, сообщник точно знает, как связаться с моим беглым мужем! Уверена, что невозможно похитить человека и не оставить улик. Есть свидетели, камеры. Возможно, Марина придёт в себя и вспомнит какие-нибудь детали.

– Я помню только то, что он шумно дышал, – добавила Марина. – Из-за плаща комплекцию разглядеть мне не удалось, но могу предположить, что человек он немолодой или полный. Роста, пожалуй, немногим выше среднего.

– Это уже что-то, – грустно ответил Семенихин, понимая, что ещё одним «висяком» у него стало больше. – Марина, скажите, в каком районе, где именно преступник приложил к вашему лицу платок?

– Прямо в подъезде моего дома. На первом этаже. Как только я вышла из лифта, сразу потеряла сознание. А очнулась связанной в гараже.

Семенихин попрощался с женщинами, оставив их наслаждаться обществом друг друга. Он составил план действий, необходимых для поиска информации и, озадаченный, поехал в управление.

Орлов не разделил рвения своего подчиненного. Напротив, ссылаясь на поправки статей о похищении, уговаривал Семенихина не регистрировать дело, а уничтожить все имеющиеся документы.

– Она вернулась в трехдневный срок! Целая, невредимая, признаков насилия тоже не обнаружено! – орал он на планерке. – Что ты собираешься расследовать?

– Товарищ полковник, теперь каждый может похищать людей, держать в подвале, а потом отпускать? Безнаказанно? – парировал лейтенант Семенихин.

– Леша, даже если ты установишь личность преступника, по закону мы его не можем привлечь за похищение! Или тебя в школе полиции другому учили? – гневно спросил Орлов.

Конечно, Семенихин понимал, что добровольное освобождение заложника сыграло на руку похитителю, только в голове неотступно вертелась мысль: преступник знает, где Юргис! Знает, где он прячется и как с ним связаться. Только как убедить в необходимости кропотливого расследования Орлова?

Глава 3

Анну успокаивал скорый отъезд дочери. Жизнь в Лондоне обеспечивала Марине безопасность.

Зима мягкими лапами бесшумно, сонно ступала по городу, укутывая деревья холодным, воздушным пухом. Такая же зима была в душе у Анюты. Или, быть может, её душа напоминала выжженную пустыню, где прошлое безвозвратно исчезло, оставив после себя зияющую рану?

Анна напоминала себе работа, питающегося от невидимых батареек ответственностью и чувством долга перед близкими. Она мягко опустилась в своё уютное рабочее кресло. Составила план на завтра, сделала поручение Маше. Мысли снова возвращали её к событию, в котором участвовать Анна не собиралась ни при каких условиях. Новогодний корпоратив... Только звонок Михаила Александровича не предполагал отказов: он был намерен представить Анюту директорам крупных строительных и других фирм как партнёра холдинга, члена совета директоров, а также как талантливого специалиста по тендерам. В этом году новогодний банкет проходил в совершенно не свойственной для холдинга Колосовских манере: не в узком кругу, а в составе ряда крупных строительных, юридических, экономических предприятий. Планировалось присутствие членов торгово-промышленной палаты, строительных и архитектурных комитетов. Так называемый новогодний форум предпринимателей.

Это означало только одно: ей предстоит снова проходить испытание общением с теми персонами, видеть которых совсем не хотелось. Успокаивал лишь тот факт, что людей будет в разы больше, чем обычно, значит, затеряться в толпе не составит труда.

Около ресторанного комплекса скопились такси, буксующие в подтаявшем снегу, сигналившие правительственные внедорожники, а также автомобили директоров, министров, водители которых старались подвезти своих работодателей как можно ближе ко входу.

– Девушка, может быть, вы здесь выйдете? – недовольно буркнул водитель такси. Анна поежилась, посмотрела на свои элегантные замшевые бордовые туфельки на высоком каблуке и промолвила:

– Нет, подвезите меня прямо к дверям!

Она поправила высокую причёску, в которую были собраны локоны, и положила перчатки в небольшой чёрный клатч, намереваясь терпеливо дождаться своей очереди в нескончаемой веренице машин.

В ярко освещённом роскошном холле Анну встретила приветливая девушка, сверившая её данные со списком приглашённых. Как только Анюта расстегнула серебристую пуговицу своей нарядной, короткой норковой шубки, направляясь к гардеробу, на её плечи опустились руки Отто. Он с трепетом помог своей спутнице раздеться, не отрывая от неё восхищённого взгляда:

– Аннет... У меня просто нет слов, богиня... соблазнительница... – он мурлыкал комплименты зардевшейся от смущения Анне.

Чёрное, прямое, отороченное кружевом короткое платье с довольно глубоким декольте обнажало изящные колени, подчёркивало стройность её фигуры. Ювелирный комплект из золота с крупными рубинами дополнял туфли бордово-красного оттенка, заранее купленные Анютой.

Отто припал к её пальчикам с красными ногтями в нетерпеливом поцелуе. Анна подхватила его под руку и уверенно направилась в зал. Мужчины в строгих костюмах, по большей части повседневных, шумно здоровались, пожимали друг другу руки или хлопали по плечу. Можно скрыться в толпе... Сесть подальше...

– Аннет, милая, ты куда? – недоуменно спросил Анну Отто. – Мы сидим вместе с Мишей за шестым столиком, ты забыла?

Забыла? Если бы только она могла забыть... Непременно приказала бы своему сердцу сделать это тотчас!

Михаил Александрович встретил их с улыбкой. Он поздоровался с Отто, сделал комплимент Анне и указал паре на места. Аня выдохнула, обнаружив, что за столиком, кроме Веры Петровны, никого нет. Женщины обнялись, испытывая радость от встречи, и принялись обсуждать новости и семейные хлопоты.

Звучала легкая музыка, официанты сновали по залу, роняя приборы, гости торопливо рассаживались. Взгляд Ани задержался на входе в зал, где появилось, наконец, блистательное семейство Колосовских.

«Напыщенный денди!» – подумала Анна, рассмотрев возвышающуюся над всеми фигуру Бориса. Загорелый, в белоснежной рубашке с расстёгнутым воротом, он был неотразим. К нему липла Ирина, похожая на новогоднюю елку из-за обилия стразов и пайеток на серебристом длинном платье. Берта Михайловна оттянула её от Бориса и с улыбкой повела в гардероб.

Анна замерла, наблюдая за ним. Он не видит её, не знает, как пересохло у неё во рту от обиды и боли. Не замечает, как краснеют щеки, не слышит, как сердце сбивается с ритма. Борис общается теперь с Аней через посредников. В лице своей любовницы...

Компания подошла к столику, здороваясь с гостями. Борис сдержанно кивнул Анне, пожал руку Отто и сел с Ириной на другой конец стола. Подальше...

Аня так и осталась сидеть возле Веры Петровны, искренне радуясь этому соседству. Разговаривать с остальными ей совсем не хотелось.

Ведущие – мужчина и женщина в нарядных атласных костюмах – закончили поздравлять гостей. Официанты ускорили темп, вынося одно за другим разнообразные блюда. Отто ухаживал за Аней, суетился, пытался угодить ей, подливал красное вино в её бокал.

Ирина искоса наблюдала за ними. За ней... Большие голубые глаза выделены ярким макияжем в дымчато-серых тонах, кожа сливочная, безупречная, чуть тронутая румянами на щеках... На губах блестящий красный блеск для губ, волнистые пряди выбились из высокой прически и игриво пружинят по тонкой шее.

– Анечка, а когда у вас свадьба? – бесцеремонно спросила она Аню прямо в лоб.

Анна, встретившись с Ириной взглядом, твёрдо ответила, будто к подобным вопросам подготовилась заранее:

– Летом. Мы ещё не решили в каком месяце, но это вопрос второстепенный, правда?

Ирина кивнула ей, довольная ответом.

– А у вас когда? – ошарашила Анна свою собеседницу.

Ирина замешкалась, посмотрела на Бориса, сделавшего вид, что вопрос он не слышал, но тут же собралась и выпалила:

– Ох, эти формальности никому не нужны! Нам хорошо вместе, и это главное!

Ирина без умолку рассказывала о сицилийской вилле и романтической атмосфере Средиземного моря, очевидно, пытаясь убедить Анну в искренности и серьёзности их с Борисом отношений. Только момент был упущен.

Анна перевела Отто предмет их разговора с Ириной, опустив детали. Беседы о свадьбе были бальзамом для его изголодавшегося влюблённого сердца.

К середине ужина Михаил решил поднять рабочие вопросы, касающиеся их с Аней разговора. Он представил её директорам крупных строительных фирм Сибири. Они переходили от столика к столику, знакомясь с подвыпившими начальниками.

Возможный успех наметившихся сделок значительно повысил уверенность Анны. Благодаря Михаилу она будто расправила плечи, поверила, что она и есть та самая «компетентная и

талантливая», о которой он говорил. Значит, мудрости Михаила Александровича хватает для того, чтобы не связывать её с предательством Юргиса, не считать сообщницей, если он так искренне стремится помочь? Она наблюдала за мигающей елкой и танцующими парами, когда её кисти коснулась тёплая рука Бориса.

– Анна Александровна, пойдёмте танцевать.

Как часто она слышала это раньше: Анька, Анечка, Анюта, Нюся... А теперь он называет её по имени и отчеству, как чужую, малознакомую женщину... Странно, что приглашение на танец он не прислал через Ирину!

– Извините, Борис Михайлович, я не хочу танцевать... с вами! – выпалила она дерзко.

«Долгожданный реванш настоящей стервы...» – подумал Борис, сухо извинившись. Он направился в глубину зала, растворившись в толпе. Отто с Михаилом присоединились к партнёрам холдинга, занимавшим соседний столик. В приятной мужской компании им было привычнее.

Вечер становился уютнее. Гости уже разъезжались, оставляя после себя пустые места и следы пиршества на столах. Элегантная пара ведущих объявила начало новогодних конкурсов и фантов.

Зал наполнили ароматы хорошего кофе и чая, а также свежих пирожных и выпечки. Официанты сновали между столиками, накрывая их. Анна напряжённо вглядывалась в силуэт Отто. Сидеть в одиночестве ей становилось в тягость. Вера Петровна пересела поближе к дочери и внуку, лишив Анюту собеседника в своём лице.

Какой– то важный начальник зачитал стихотворение, очевидно, получив фант от своих коллег. Наконец, Михаил с Отто вернулись на свои места. Ирина под руку с Борисом, сверкая блестящим шуршащим платьем, торопилась к столу.

Она трясла желтым листочком над головой. Очевидно, это было задание ведущих для гостей их столика.

Анне показалось, что Ирина сверкнула в её сторону хитрым взглядом.

Как только стихли аплодисменты после выступления очередного участника, ведущие обратились к Ирине. Ей выдалась честь зачитать задание и выбрать кандидата, который его выполнит.

Столик номер шесть вмиг осветился подсветкой, чтобы привлечь внимание присутствующих. Ведущий подошёл к Ирине с микрофоном. Грудным, загадочным голосом она прочитала дрожащий листочек, сверля глазами Анну:

– Итак! Вы должны прочитать наизусть любое стихотворение поэта серебряного века! И я выбираю для выполнения этого задания Анну Рауде!

Ирина уничтожающе посмотрела на Анну, очевидно, предвидя её фиаско перед многочисленной, внимательно наблюдающей публикой. Анна заметила проснувшийся интерес Бориса к себе. Он улыбнулся, с теплом посмотрев в глаза Анны.

Ирине было невдомек, что Аня – дочь учительницы русского языка и литературы. И фиаско предстоит потерпеть ей, а не Анне. Переливающиеся софиты ослепили столик, блуждая по лицам девушек.

Анна с гордостью взяла протянутый Ириной микрофон, мысленно перебирая известные ей стихи. Она даже хотела зачитать свои стихи, но посчитала их слишком интимными. Пройдя с ведущими на сцену, Аня окинула взглядом гостей, смотрящих на неё с неподдельным интересом. Она что-то спросила на ухо у ведущего, а затем твёрдо, с несвойственной ей немного ироничной манерой, промолвила:

– Ирина, я принимаю ваш фант. Прочитаю очень красивое стихотворение поэта серебряного века. А вы угадаете его автора, идёт?

Ирина побледнела и замешкалась. Суетливо цеплялась за Бориса руками, что-то шептала, пока тот с нескрываемым любопытством наблюдал за происходящим.

Толпа требовала зрелища, призывая Анну начать выступление.

Анюта вздохнула, сжимая микрофон в хрупких руках. Стихотворение было прекрасно известно Борису. Анна читала его на их уютной кухне, когда была жива Наташа. Когда они беззаботно общались, как близкие друзья... Когда он мог назвать её «Нюся», чмокнуть в щеку или легонько обнять. Когда не было этой беспросветной пустоты между ними.

Её голос не звучал твёрдо. Он дрожал, будто натянутая струна. Дрожали густые тёмные ресницы, тонкие пальчики. Борис чувствовал на расстоянии тепло, исходящее от неё, будто с каждой фразой невидимая боль переливалась напрямиком в его сердце, безжалостно разогревая толстый слой льда...

– Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов.
Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков! – читала Анна.

Ирина беспрерывно дергала Бориса, Берту, Михаила, пытаясь выяснить, кто же автор стихотворения? Они молча отбивались от неё, наслаждаясь выступлением Анюты. К тому же Отто, не понимающий русского, просил перевода.

– Она не твердила: "Не надо",
Обетов она не ждала.
Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла! – продолжала Анна.

Её голос утратил строгость, став нежным и мягким, а глаза из темно-серых вновь стали голубыми. Анюта украдкой пыталась перехватить взгляд Бориса...

– Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

Ирина беспомощно вжалась в своё место. Ведущий обратился к ней громко, торжественно, ожидая услышать фамилию автора. Только Бальмонта Ирина не читала...

– А если я не назову фамилию поэта? – хищно прищурившись, спросила она.
– По правилам конкурса вы должны выполнить задание, предложенное вашей приятельницей! Или исполнить её желание! – ответил ей улыбающийся ведущий.
– И каково ваше задание? – сухо спросила Анну Ирина.
«Я не дам себя унижать!» – подумала Анюта.

– Ваш спутник хотел сегодня потанцевать со мной, но я отказала ему...
Лицо Ирины вытянулось и скривилось. Очевидно, сей факт был ей неизвестен.

– И, если вы не назовёте автора, я подарю ему танец! Считайте это моим желанием!

Анна выжидала, как поведёт себя Борис. Шепнёт Ирине на ушко заветную фамилию или промолчит и пойдёт танцевать с ней. Только он выбрал первое... Показав своё презрение всем сотням глаз, устремлённым на стоящую на сцене Анну.

– Бальмонт! Константин Бальмонт! – злорадно выкрикнула Ирина таким тоном, каким судья выносит приговор.

Анна аплодировала ей вместе с остальными, пытаясь перевести происходящее в шутку. Она вернулась на своё место с высоко поднятой головой. Отто обнял её и поцеловал руку: ничего не понимая, он, очевидно, решил, что его Аннет превзошла себя и испытала триумф, а не унижение.

Ей хотелось покинуть вечер немедленно, убежать прямо со сцены... Но так открыто признавать своё поражение Анна не хотела. Она предложила Ирине и Борису выпить и похвалила Ирину за знание русской поэзии. Та приняла восхищение Анюты за чистую монету, посчитав игру сыгранной вничью.

Анна пригласила Отто танцевать. Во время танца она попросила шепчущего ей нежности мужчину проводить её до выхода. Отто намекал на ночь в его номере, но Аня пообещала выйти за него замуж по-настоящему в обмен на отсутствие близости до свадьбы. Он сиял, счастливый и довольный, обещая Анне ждать вечность ради права обладать ею.

Пара подошла к столику номер шесть. Раскрасневшаяся Анна одарила присутствующих томным взглядом и попрощалась, сказав, что её жених скоро уезжает, поэтому ей не терпится предаться любовным утехам. Отто ничего не понимал, но по лучезарному виду Ани предположил, что тема для разговора приятная, учитывая, что Анна сама поцеловала его в губы!

Внутри Бориса кипела ярость. Ненависть. Сокрушающая ревность. Казалось, он ненавидел все вокруг. Весь мир! Ненавидел Ирину за хитрость и лицемерие, как и ненавидел Отто, просто так, без причины.

Борис постоянно думал об Ане. Чем нежнее звучал её голос и теплее становился взгляд, когда она читала это злосчастное стихотворение для него, тем мощнее он выстраивал стену в своём сердце. Он смотрел на неё и, казалось, ненавидел все больше! Так сильно, что задыхался без неё. Ненавидел, потому что она вторглась в его жизненное пространство, в его такую уютную и привычную бесчувственность. Она размотала его кокон, его оболочку, которой он прикрыл себя от жизни.

Ненависть. Такая, что больно дышать. Как будто много коротких вдохов столпилось в груди, разрывая её. Гордость. Неприятие... Что возмнила она о себе? Он ненавидел так, что не мог сам понять – за что? И вообще не мог понять, ненавидел ли? Это были какие-то странные, неопределенные чувства.

Хрупкая, нежная, тонкая, с глубокими потухшими глазами, она входила в зал переговоров, пытаясь быть незаметной для него, стремясь улизнуть в числе первых, чтобы избежать общения с ним. У него сжималось сердце от постоянного чувства вины. Она страдала так сильно от его отношения к ней, что это было видно всем. При любой возможности он пытался уколоть её, обидеть, упрочить своё прежнее положение, укрепить своё существование мумии, а не человека. Только обидеть её больше никому не позволялось. Любая попытка задеть или оскорбить Анну, исходящая от кого-то другого, жестко пресекалась Борисом. Он, словно зверь, готов был разорвать обидчика. И все же – кто она, чтобы оживить его?

Глава 4

Обманчивое весеннее солнце робко пробивалось сквозь серое небо. Весной ещё и не пахло, но душа Анны искала её скорого прихода. В один из таких дней она решилась на пешую прогулку до работы, на следующий день ситуация повторилась. Ей радостно было вдыхать ещё холодный, но уже весенний воздух.

Через несколько дней полюбившихся ей прогулок Анна заболела. Где-то за неделю до собрания акционеров ей стало тяжело дышать. Кашля не было, но по вечерам начала подниматься температура. За два дня до собрания Анна уже не могла спать, лёжа на спине, она беспомощно хрипела и искала положение, чтобы вдохнуть.

Татьяна Николаевна вызвала скорую. Анна не стала противиться, а, напротив, попросила мать сделать это побыстрее. К её приезду у Анны носогубной треугольник был уже синим, воздух она хватала судорожными урывками.

Сирена скорой помощи разрывала вечернюю мглу оглушительным воем, добираясь по пробкам до больницы. Анну положили в реанимацию, чтобы снять отек легких и симптомы дыхательной недостаточности. Кафельные прохладные объятия... Врач сделал ей успокоительный укол, чтобы она уснула. Мать не отходила от неё ни на шаг.

В день собрания она с телефона Анны позвонила Михаилу Колосовскому:

– Да, Анна Александровна, слушаю вас!

– Извините, это мама Ани, – Татьяна Николаевна расплакалась. Она ничего не могла объяснить.

– Что случилось? Успокойтесь и объясните мне! – он встал и, волнуясь, начал ходить по совещательной комнате.

– Аня не сможет сегодня быть на совещании, она в больнице, в реанимации... – и снова заплакала.

– Господи, что случилось? Как я могу помочь? В какой она больнице? – Михаил сжал трубку телефона.

– У Ани пневмония с осложнениями, дышать ей очень тяжело, и врачи боятся возможного отека лёгких, к тому же дыхательная недостаточность не отступает, – объяснила Татьяна.

Он, озадаченный, пообещал подключить все возможные ресурсы, чтобы врачи отнеслись к ней наилучшим образом.

Собрание он начал по расписанию. Неторопливо подтягивались акционеры и начальники отделов с отчетами. Борис приехал в числе первых. Ирина была в отъезде, в Германии, к тому же её присутствие было необязательным. Берта села рядом с Борисом. Михаил поприветствовал коллег.

Никто и не заметил отсутствия Анны, кроме Бориса... Но спросить прямо у него не хватило смелости. Он часто дышал, ожидая, что объект его неприятия опоздает, придёт позже, но она все не приходила...

– А где Рауде? – встрепелась Берта. Её вопрос был спасительной соломинкой для страждущей души.

– Коллеги, Анна в тяжёлом состоянии находится в реанимации, пожалуйста, проявите сочувствие! Как только ей станет лучше, я её навещу! – Михаил тяжело вздохнул, искренне волнуясь за неё.

– Где? Какая больница, и что с ней? – Борис вскочил как ошпаренный.

– Боря, оставь ты её в покое! Пожалей! Ты ехать собрался? – Михаил подошёл к сыну. Тот готов был провалиться сквозь землю... Значит, его неприязнь была видна всем. – Не надо, прошу тебя, я сам съезжу, только не ты... Она слабая очень.

– Папа, ты что? Ты как подумать мог? Разве я могу... Какая больница? – Михаил молчал. – Ладно, я позвоню её маме. – Борис решительно направился к выходу.

Пальцы лишились чувствительности, руки дрожали от смятения. Борис нажал кнопку вызова лифта. Цокольный этаж подземной парковки. Странное ощущение дежавю. Он вспомнил, как умирала его жена. Его Наташа. Как холодные восковые стены больницы каждый день принимали его, постоянного посетителя. Принимали, а вечером отпускали на свободу. Разве теперь ему так же плохо? Когда человек, которого он не переносит на дух, – такой слабый, обессиленный, больной. Хрупкая женщина... Анята...

Он на миг представил, что больше никогда не увидит её голубых бездонных глаз, не услышит голоса... Принесло ли это известие радость? Нет, сама мысль о том, что она страдает, приносила ему боль. Хотя, парадокс: источником боли был он сам. Это было концом борьбы с собой. Теперь уже он сам рвался наружу из этих ненавистных окон.

Он замучил её. И его семья, бывший муж. Вместо поддержки, помощи он методично колот её гадкими замечаниями, утверждаясь в своём упрямстве за счёт неё. Только за что? За то, что она посмела отказать ему? За то, что хочет быть любимой, а он не может ей дать это? Нет, она никогда не простит... Он сам никогда не простит себя. Ничтожество... Мерзавец...

Борис долго ехал до больницы, машины медленно ползущей вереницей двигались в пробке. Он заранее позвонил главному врачу больницы, чтобы его пропустили к ней.

Она лежала одна, с кислородной маской на лице. Голубая кафельная палата, капающая в раковину вода из крана. На локтевом сгибе следы от уколов. Глаза закрыты. Она пыталась уснуть. Разбросанные по подушке пшеничные кудри... Рядом сидела уставшая Татьяна Николаевна. Она встала и обняла Бориса.

«Наверное, Анна не рассказывала ей ничего, иначе она плюнула бы мне в лицо, – подумал Борис. – До чего я довёл её? Анечка, родная...». Он вспомнил на мгновение, как она пришла к нему той ночью, желая быть неузнаваемой, зная, что у него камень вместо сердца, не надеясь и не рассчитывая на его взаимность. Отчаянно борясь со своей любовью, пришла, желая получить лишь одну ночь! Как страстно отдавала себя, не просив ничего взамен! Как сказала, что любит его давно... А потом разлюбила, разочаровалась... Он методично убеждал её в том, что она не ошиблась, показывая себя с худшей стороны. Снова и снова доказывал ей, что он и есть циничный мерзавец.

Он попросил маму выйти ненадолго и сел на её место. Взял в свои тёплые большие ладони холодную тонкую кисть. Анна повернулась к нему. Абсолютно потухший, больной взгляд. Она сняла маску с себя.

– Зачем ты пришёл? – ей трудно было говорить. – Прошу тебя, уйди... – она отвернулась, чтобы не видеть его.

– Прости меня, пожалуйста! – он прижался лбом к её ладони. – Если я тебя потеряю, я жить не смогу... Анята, прости меня...

– Найдешь себе другой объект для битья... Кажется, ты должен обрадоваться... Что я такая... Что мне плохо... – ей было тяжело говорить, и она снова прижалась к маске.

– Как я могу радоваться... – он шептал, поглаживая её по голове. – Я никогда больше не обижу тебя, вот увидишь... Прости меня! Я так виноват... Это всё из-за меня!

– Не глупи! Просто я переохладилась!

Её бледное лицо, круги под глазами... Приглушённый взгляд голубых озёр. Борис сжал её ладонь в своей. Он гладил её по голове, по непослушным светлым кудрям. Анна смущалась своего положения и болезненного бледного вида.

– Когда ты уйдёшь? Мне плохо возле тебя... – она вжалась в кислородную маску.

– Я не уйду... – он держал её руку.

– Борь, ну зачем? Если бы я не заболела, всё было бы по-прежнему... Уходи, мне не нужна твоя жалость. Лучше уж неприязнь...

– Анечка, я сам виноват, и я всё исправлю между нами, вот увидишь. На меня можно положиться!

– Зачем? – она стала задыхаться. Борис помог ей принять удобное положение, приподняв подушки. – Все исправлять? Может, жить спокойно каждому своей жизнью? Чего тебе не хватает? – она отвела взгляд от Бориса. Он прижался лбом к её ладони.

– Я не уйду... не гони! Я буду рядом! Буду молчать, если хочешь, но я не уйду!

– Борь, я женщина, меня смущает твоё присутствие... ну ты понимаешь. Мне нужно выйти ненадолго! – она попыталась подняться.

– Хорошо, я выйду в коридор и вернусь через пять минут.

Борис вышел в коридор к Аниной маме и тут же услышал, как Анна упала. Он вбежал и поднял её, бледную, обессиленную. Татьяна Николаевна расплакалась и побежала за врачом. На Аню было больно смотреть.

– Анюта, вот видишь, а ты меня гонишь... – он прижимал её хрупкое тело к себе. Ему казалось, она невесомая. Такой же перед смертью была Наташа. Всё, что он пережил, пронеслось в памяти, вызывая болезненное, ноющее в груди чувство.

– Борь, голова закружилась... Мне нужно было...

– Анька, я все сделаю для тебя... я не уйду... – она словно подчинила его себе. Будто в её хрупких руках была его жизнь.

– Не уходи, прошу, будь со мной, – она вжалась в него, так беспомощно и трогательно, что у него захватило дыхание. Он так и стоял, замерев, посередине палаты, прижимая Анну к себе.

– Не уйду, не оставлю тебя... – шептал он, прижимаясь к ней.

Ненависть. Такая, что не давала дышать. Оглушающая... К себе... И только к себе. Оттого, что не пускал в своё сердце любовь...

Прибежала Татьяна Николаевна вместе с врачом. Они словно разбудили Бориса от этого сладкого оцепенения. Он сидел на краю кровати, держа Анну на руках.

– Анна, как вы? Что произошло? – врач попросил Бориса положить её на кровать и выйти из палаты. Тот беспомощно подчинился, выпустив свой драгоценный груз. Минут через пятнадцать врач вышел из палаты, разрешив Борису вернуться.

– Доктор, подождите! – он догнал врача, – как она? Скажите, я могу помочь больнице?

Врач озирался по сторонам, боясь назвать сумму.

– Мне нужно, чтобы эту женщину лечили самым лучшим образом! – Борис не стал дожидаться ответа и вытащил из бумажника пачку купюр. – Вам же нужен ремонт? Например, в санузлах?

Врач кивнул, обещая лучшую заботу об Анне.

Борис уехал поздней ночью, когда она заснула. Бледная, измученная... Господи, она будто вынула из него сердце!

Прохладные кафельные стены выпустили его из своих объятий. Он сел в машину и закурил. Как тогда, в ночь перед смертью Наташи. Нет, её нельзя оставлять! Он просто не переживёт, если потеряет Анну!

Утром его разбудил звонок отца.

– Боря, сегодня прилетает Отто, он хочет быть рядом с Анечкой. Как она, кстати? Ты доехал до больницы?

– Пап, очень плоха она... – «черт, черт, вот нелёгкая принесла его!» – Борис был раздразован этим известием. – Я туда сейчас поеду!

Он быстро собрался, чтобы успеть до приезда уважаемого немецкого партнёра, вырвать эту возможность быть возле неё. Украсть это право ненадолго, как когда-то она украла ночь любви у него...

Борис включил зажигание своего внедорожника. До больницы ехать было совсем недолго. Он захотел купить ей цветы без резкого аромата, чтобы не усугубить отек.

В холле его встретил лечащий врач Анны, поблагодарив Бориса за помощь больнице.

– Борис Михайлович, спасибо вам огромное! – он начал показывать какие-то расчёты, сбивчиво поясняя, на что отделение собирается потратить полученные средства, только Борису это все было неинтересно.

– Скажите, как Анна? – его глаза выражали крайнюю обеспокоенность. Врач успокоил его.

Борис теперь не хотел терять ни минуты времени, которое упустил. Времени, которое он потратил на фарс, усмешки, на то незначимое, которым он сам себя окружал. Не хотел терять ни минуты своей жизни! Настоящей жизни!

Он постучал в дверь палаты. Они отозвались обе – Анна и её мама. Борис вошёл, не скрывая улыбки. В руках – корзинка мелких анютиных глазок практически без аромата.

Анне было заметно лучше – это отражалось в её глазах. Они больше не казались потухшими и приобрели цвет ясного майского неба. Тот же блеск, смущенная улыбка. Возле неё суежилась медсестра с капельницей, она заменила пустой флакон на полный и покинула палату.

– Анютка, как ты? – Борис сжал её тонкую кисть. Она слабо ответила на его рукопожатие.

– Спасибо, получше! – она глубоко вдохнула и отвернулась. Борис видел её смущение: она словно обнажённая, обезоруженная лежала перед ним. Зная Анну, можно было предположить, насколько эта ситуация была ей неудобна.

– Анечка... – слов не было. Вернее, их было так много: несказанных, заранее подготовленных, придуманных им для объяснения с ней, что они, словно люди в толпе, растворились, обесценились. Мама Ани почувствовала себя неловко: она тактично извинилась и вышла «подышать» свежим воздухом.

– Борь, спасибо тебе... Мне так хочется покоя! Просто отдохнуть, выспаться! Я сама себя довела до такого! – он молча сжимал её кисть. Она тихо дышала, а ему хотелось затаить дыхание, чтобы не нарушить её покой.

– Анька, я буду молчать! Я понимаю все... Хочешь, я вообще буду сидеть в коридоре? – он наблюдал, как пульсирует вена на её бледной шее, как обострились круги под глазами и впали щеки.

– Нет, ты что? А зачем тебе вообще здесь сидеть? Я вроде не умираю! – Анна улыбнулась, и ему было приятно, что она уже способна шутить.

– Слава Богу, не умираешь! Я просто волнуюсь, мне хочется быть рядом... – он с нежностью посмотрел в её глаза. – Ань, ты не будешь против, если я отправлю тебя в санаторий? После больницы. Чтобы ты полностью окрепла. Или в жаркую страну погреться?

Она удивленно смотрела на него. В этот момент в палату без стука вошёл Отто с огромным букетом белых лилий. Анна их терпеть не могла, но это самая меньшая их вина. Они источали резкий запах, который ей сейчас был противопоказан. Отто был свеж и благоухал отменным парфюмом. В другой ситуации Борис расценил бы его действие как насмешку или издевку. Но он был так искренен и старателен в своей абсурдной выходке, что винить Борис его не стал! Его круглое лицо, блеклые небольшие голубые глаза преобразились от свидания с Анной.

– А погреться Аннет поедет со мной в Египет! В наш отель! Там сейчас замечательная погода, и я уже все приготовил к приезду моей любимой! – он посмотрел на Бориса, обозначив своё преимущество. – Так что, спасибо холдингу за заботу, но мы справимся сами! – он жестом попросил Бориса уступить ему место, сунув Анне практически под нос свои цветы.

Анна оцепенела от неожиданности. Она не смогла промолвить ни слова. Слезы застилали её глаза, в носу защипало, и она, судорожно вдохнув воздух, состоящий из коктейля ароматов, дернула кислородную маску на себя. Борис быстро сориентировался: он нажал кнопку вызова

врача и резко выхватил цветы из рук Отто. В следующую минуту он выскочил с букетом в коридор, не зная, куда его деть. К счастью, мимо проходила молоденькая медсестра, которой Борис их вручил.

Он спешно вернулся в палату, совершенно разбитый. Ему отчаянно хотелось быть рядом, защищать её от всех, оберегать. Казалось, он отойдёт на минуту, и Анне сделается хуже, ей навредят без него. Ему хотелось все держать под контролем. «Шут гороховый, явился-таки...».

Едва Борис вошёл в палату, как Отто тут же набросился на него.

– Борис, что происходит? Ты желаешь объяснений?

Нет, объясняться с ним Борис не хотел.

– Отто, мы не на базаре, в конце концов! Ты сам не догадался, что ей противопоказаны резкие запахи? – он вышел с ним в коридор, не желая беспокоить Анну своими спорами. Говорили они по-немецки. Отто бросал искры, скалился, то снимал, то надевал снова свой модный клетчатый пиджак, спрашивая Бориса, когда запах парфюма ощущается меньше.

Борису вся эта нелепая ситуация была неприятна. Самое главное, о чем он радел, было здоровье Анны. Приходить сюда и находиться здесь он будет столько, сколько посчитает нужным. Не считаясь ни с кем, кроме неё, если она его не оттолкнёт.

Отто в открытую, не скрывая неприязни, давал понять Борису, что он лишний. Он сидел возле Анны, теребя её кисть, шепча ей какие-то нежные слова. Она не показывала каких-либо эмоций, а Борису последнее время не удавалось читать её чувства по глазам...

Он уже готов был признать, что думает о ней постоянно, мечтает о ней, мысленно ласкает нежные губы и не только... Что от долгой разлуки с ней он начинает задыхаться, ища её присутствия, желая её, как воздух. Все мысли его занимает она. Что больше всего на свете он хочет, чтобы она его полюбила! Полюбила снова... Если это вообще возможно! Он был готов признать свое полное поражение. И назвать, наконец, свои чувства к ней этим страшным запретным словом – любовь...

Борис уехал из больницы, не желая мешать выздоровлению Анны. Об Отто он не думал вообще. Он старался подгадать свои визиты так, чтобы они не пересекались.

Словно влюблённый мальчишка, бежал сначала в цветочный, чтобы купить ей анютины глазки или орхидеи, затем пешком по лестнице, перешагивая через ступеньку, запыхавшись, стучал в её дверь.

– Почему ты так дышишь? – спросила Анна, а он прижался лбом к её ладони, ничего не говоря.

– Бежал... К тебе... – чтобы задыхаться возле неё, ему не нужно было бегать. – Как ты? Получше? – Борис смотрел на неё, не желая смутить, но она все равно краснела.

– Получше, конечно! Неделю здесь валяюсь! Домой хочу...

– Ань, давай я всё-таки отправлю тебя в санаторий? Не нужен тебе сейчас этот Шарм! – «вместе с его хозяином», хотелось добавить, но он сдержался.

– Боря, я могу сама себя отправить везде! Я работаю – ты забыл? – строго посмотрела она.

– Да мало ли что можешь ты! Я хочу сделать то, что могу я!

– Посмотрим... меня не выписывают ещё!

Он старался уходить вовремя, пока в палату не заходил врач или медсестра для проведения ингаляции или с капельницей.

– Пока... Что принести тебе завтра?

– Только себя... – прошептала она, а у него захватило дух от этих слов.

На следующий день Борис прибежал к Анне ближе к обеду, запыхавшийся, с расстёгнутой пуговицей на воротнике, с очаровательным букетом. Она встретила его прохладно, если не сказать, очень холодно. Не разговаривала с ним, опускала глаза, будто он обидел её или виноват. Он безуспешно пытался выяснить, что случилось...

Борис уже собирался уходить, когда в палату зашёл Отто. Тот пытался криво улыбнуться, еле сдерживая раздражение. Анна оживилась и попросила Бориса задержаться. Она встала и, окинув их стеклянным взглядом, произнесла:

– Борис Михайлович, спасибо вам за заботу, я искренне благодарна холдингу за помощь! Вы можете больше не затруднять себя визитами...

– Ань, что за чёрт... Ну что случилось? Что произошло за эти сутки? – он с мольбой смотрел в её глаза. – Скажи, в чём я виноват?

– Борис, ноу проблем! Аннет просто уже гораздо лучше, зачем тебе приходиться? – Отто притянул Анну к себе, обозначая свою территорию. Борис был ошарашен происходящим, в его голове не укладывалось, что могло произойти?

– Борис Михайлович, у меня есть жених... – она прижалась к удивленному Отто. – Его заботы и внимания мне достаточно! – ей не нужно было повторять дважды. Борис сухо попрощался и ушёл.

Он сел за руль и поехал. Без маршрута, по центральным улицам, по небольшим улочкам. Включил музыку, закурил. Что могло произойти? Сегодня он хотел объясниться с ней...

Анна уснула после утренней капельницы, а проснулась от запаха чего-то знакомого, родного... Так пахнет Борина квартира: чистотой, уютом, каким-то только ею одной уловимым запахом.

Она улыбнулась в полудреме, но, открыв глаза, увидела Ирину! Зачем она приехала к ней? Разве она не в Германии? Большого унижения придумать сложно... Если она знает, что Анна в больнице, значит, они обсуждают это с Борисом! Её визит показался Анне странным: ведь они не были подругами. Она видела, что Ира пытается подружиться с ней, только эта дружба была невозможной...

– Анечка, дорогая, как ты? Боренька сказал, что тебе было так плохо! – рыжая копна до пояса, стрелки на веках, все те же ресницы! Она обдала Анну своими духами...

– Лучше, спасибо... Скоро выписывают! – Анна встретила её округлившимися глазами.

– Как тебе цветы, дорогая? – она кинула взгляд на корзинку анютиных глазок, которые ей приносил Борис. – Это я для тебя выбирала! Вернее, мы с Борей!

Анна сидела ошарашенная, не зная, что ответить... Ложь, опять ложь с его стороны! Так ненавидеть её мог только он! Позволить другой женщине выбирать для неё цветы!..

– Красивые цветы... Ирочка, спасибо вам с Борей! – выдохнула она.

– Я так хочу, чтобы мы дружили! Не понимаю, почему ты не любишь меня? Есть причина? – Ирина, похоже, была в ударе!

– Я мало с кем дружу! Я социопат!

Ирина что-то ей рассказывала, весело щебетала, спрашивала Анну об их с Отто свадьбе. Та отвечала односложно и без эмоций.

– Представляю, как Отто мучается, пока ты в больнице! – она закинула удочку.

– Да, он переживает...

– Анька, тут хоть кровать крепкая?

– Кровать как кровать... А ему что до неё? – от её наглости Анна оторопела.

– Ой, у меня Боря дни считает, если я уезжаю, например, а как только возвращаюсь...

Ты не представляешь: он, как животное, набрасывается! Я потом сидеть не могу – больно!

Анна занервничала и густо покраснела. К такому унижению она была не готова...

Ирина продолжала кормить её этой изошренной ложью, мучить её фантазию, которая была развита донельзя. Анна уже мысленно представила их с Ириной так, как способна была придумать только она! Будто Ирина знала или догадывалась о её мнительности... Получив нужный результат, она также весело и непринужденно, как и пришла, попрощалась и покинула палату.

Кристина застала Анну в слезах. Бледная, с темными кругами под глазами, она лежала, уткнувшись в подушку, и беззвучно плакала.

– Так, так, так! Нюсенька моя! Анечка! – она обняла её и долго гладила по голове, пока та содрогалась в рыданиях. Хорошо, что сегодня с Аней дежурила Кристина, а не Татьяна Николаевна!

– Ненавижу... ненавижу его! Зачем он пришёл? Приехал в первый же день! – она нервно глотала воду из стакана.

– Ань, да что случилось? Нормально же все было? Или он опять задевает тебя? – Кристина подала Анне кислородную маску.

Борис удивился, застав дома Ирину. Она планировала задержаться в Берлине ещё на неделю. Не предупредила, не попросила встретиться... Эти странные непонятные отношения между ними тяготили его! Как мог он согласиться на них? Вернее, на её предложение... Он знал, что у неё были другие мужчины, иначе и не могло быть: они давно не были близки. Ей кто-то писал, и она срывалась среди ночи, уезжала... Подчёркнуто собиралась, наряжалась и уходила, пытаясь затронуть его самолюбие. Они жили, как соседи в общежитии...

«Встречаться для секса» – он вспомнил, как предложил это Анне. И как подобные отношения предложила ему Ирина! Без верности, без обязательств, без общих интересов и выяснения отношений. Без любви, без ревности... Как раз то, что он хотел! Торжество равнодушия на троне бесчувственности... В кого он превратил себя? Видела бы его Наташа... Ему так хотелось рассказать кому-то о том, что происходит с ним!

– Боря... – Ирина обняла его, уткнувшись в его грудь. Он почувствовал, что она плачет.

– Ира, что случилось? Почему ты приехала так рано? Не предупредила... – он отпрянул.

– Боречка, я не знаю... – она всхлипывала, – я не знаю, как так получилось...

– Да что случилось? – с досадой спросил он.

– Я влюбилась... – прошептала она. – Я хочу быть с тобой, мне не нужны такие отношения, которые я обещала тебе... Я хочу, чтобы ты был один... Хочу быть рядом!

Борис нежно обнял её. Она прильнула к его губам в нежном поцелуе, заплаканная, с распущенными волосами.

– Ира, я не могу ответить тебе! Я не готов! – он сжал её кисти и оттолкнул от себя. – Я не хочу обманывать тебя и себя – прости, я не смогу тебя полюбить...

– Прошу, хотя бы не гони меня... я согласна быть рядом, так, как сейчас! – в её глазах снова заблестели слезы.

– А что – сейчас? Мы живём в одной квартире, как соседи!

– Я всё исправлю... Только не гони! – она молила, прижимаясь к его груди.

Борис не мог находиться рядом с ней... Он чувствовал, как предаёт себя, как задыхается в этом вакууме обмана и лицемерия. Предаёт чувства Ирины, предаёт свою любовь к Анне. Ему тошно было смотреть на себя. Он набросил куртку на плечо, взял ключи от машины и поехал ночевать к родителям.

Анна была в больнице больше двух недель. Отто задержался в Красноярске недолго: фирма нуждалась в его талантливом руководстве. Кристина и мама навещали Анну каждый день. Приходили сотрудники языкового центра, которые приуныли и искренне ждали возвращения начальницы. Борис после её внятного объяснения не беспокоил больше. Он позволил Ирине любить себя, окружить заботой, только гадкое ощущение предательства не покидало его. Он не мог дать ей напрасную надежду, которую та ждала!

Глава 5

Весна упрочила свои позиции. Теплые солнечные лучи безжалостно топили снег: он уныло прятался лишь в тени или под деревьями, образуя огромные грязные кучи, в которые его собирали дворники. Анна не любила это переходное время года. Ей хотелось возобновить скорее пробежки по парку, весенние прогулки до работы.

В Египет она не поехала. Врач не рекомендовал ей такой резкой перемены климата. Месяц она посещала физиопроцедуры, а затем уехала вместе с мамой в Крым, в санаторий на побережье.

Анна ходила по берегу Чёрного моря, вдыхая тёплый морской воздух и наслаждаясь одиночеством. Ей не хотелось никого видеть и слышать. Эта проблема решилась легко отсутствием телефона, который она намеренно забыла дома. Анна предупредила следователя Семенихина, что связаться с ней он может через маму в случае нужды... Хотя веры в эту необходимость ни у кого уже не было, делом давно никто не занимался.

Анна не ошиблась насчёт Семенихина. За время её лечения в санатории он ни разу не позвонил. В один из весенних дней его вызвал начальник отдела, полковник Орлов:

– Алексей, грядет проверка федерального уровня, особое внимание уделяют нераскрытым делам. – Он пристально посмотрел на лейтенанта.

– Сергей Юрьевич, они не только у меня есть, вы же знаете?

– А ты знаешь, что фамилия Колосовских известна на самых верхах? – ответил Орлов.

– Ну что мне сделать? Я готов признать себя полным нулем...

– Вот этого мне только не надо! Лирики этой! – высокий темноволосый полковник поправил густые усы. – Пока забудь об ограблении, начни вплотную заниматься похищением дочери Раудиса!

– Как же я начну, если Марину отпустили через три дня, а мы не возбуждали уголовное дело? Товарищ полковник, столько времени прошло...

– Леша, анализируй. Есть чутьё, в конце концов! Профессиональное чутьё! Не связанное с камерами, распечатками и прочей ерундой!

С чутьем у Семенихина было плохо, причем совсем. Что имел в виду Орлов? Если следовать его логике, Семенихин должен был чувствовать своих подозреваемых, свидетелей, потерпевших. По их жестам, взглядам, по реакции понимать, лжет человек или нет...

Он верил Анне, искренне считал её порядочным человеком, уважал её. На миг он представил, поступила бы его собственная жена так, как Анна? Стала бы отдавать его долг, надеясь сохранить своё доброе имя? Наверное, никто бы не стал этого делать без судебного принуждения... Семенихин устало прошёл к своему любимому коричневому столу со стеклом, заваленному бумагами. Дела, связанные с фамилией Колосовских, давно были убраны подальше. Он принялся наводить порядок. Засохшие чайные круги, кусочки мела, пепельница... Освободив стол, он достал папку с делом Колосовских из ящика стола. Орлов потребовал сделать хотя бы отчёт по той информации, которая есть. Все бюрократические отписки, распечатки, данные с камер, свидетельские показания... Это все надо как-то собрать воедино!

Скорее всего, после проверки его уволят, ведь предоставить ему было нечего! Преступники настолько тонко все спланировали как в случае ограбления, так и при похищении Марины Рауде, что зацепиться ему было не за что. Семенихин почувствовал прилив энергии, и его мысли начали выстраивать цепочки, логически выверенные, вполне реальные. Ему было что сказать проверяющим!

Федеральная проверка была назначена накануне дня образования полиции в России, 5 июня. Семенихин знал, как формально проходят все эти проверки. Подарки руководству, застоля... Орлов не собирался вообще показывать, сколько реально в отделе было нераскрытых дел. Ему просто хотелось встряхнуть Семенихина! Зато тот ко всему отнёсся со всей ответственностью: напечатал отчёты, которые руководству читать будет совсем неинтересно.

Своими успехами он делился с Валентиной Лисицыной, которая перевелась к ним из другого отдела. Знакомы они были очень давно, встречались в общих университетских компаниях, часто работали вместе на дежурствах. Она отличалась деликатностью, честностью, никогда не обсуждала никого, к тому же не лезла в душу! Она хвалила Лешку за старательность, направляя его, как старший товарищ, а иногда и подсказывая.

У Семенихина была манера чертить схемы. Неизменно в центре листа он писал имя – Юргис!

Однажды Лисицына попыталась изменить ход его мыслей, указав, что, возможно, преступник – не он! Не Раудис! Нет, о чём она толкует?! Как же не он, если подписи везде стояли его?

– Леша, ты покажешь мне реквизиты офшорных фирм?

– Их нет! Скорее всего, после обналичивания средств они были ликвидированы в короткий срок! Даже банк не может вытащить информацию о них!

– Ну что за глупости! Как не может? – ей казалось это абсурдом.

– Валя, ну вот так! Известно, что фирм было пять! Было пять заказов-нарядов от холдинга, оформленных Юргисом! Известны лишь даты перевода! Что выходит за рамки моего понимания, так это факт полной уплаты налогов после снятия денег! Не понимаю, для чего это ему понадобилось?

– Леша, не глупи! Для того, чтобы ликвидировать однодневку в короткий срок, с задолженностью по налогам это невозможно! Преступник хотел максимально замести следы! – Лисицына была озадачена. – Ты хоть что-то помнишь? Названия фирм?

– Нет, я и не запрашивал, для меня было главным доказать причастность Юргиса к оформлению банковских переводов. А названия ничего нам не дадут.

Лисицына не стала давить на него, ведь это его дело! Пусть расследует, как считает нужным! В какой-то степени Семенихин прав: главное, доказать факт банковского перевода!

Ещё одна мысль не давала покоя Семенихину: почему не сработал финмониторинг банка? Неужели документация фирм-однодневок не вызвала ни у кого сомнений? Возле имени Юргиса в центре белого листа он поставил вопросительный знак, назвав его «сообщник из банка».

Лисицыну удивлял тот факт, что при наличии всей логически выстроенной цепочки дело не сдвинулось ни на шаг. И сам преступник, будь он Юргисом или кем-нибудь другим, остаётся на свободе. Нет, сам бы он не справился... Здесь точный, выверенный, хладнокровный расчёт и помощь сообщников.

Что показывать проверяющим? Семенихин понимал, что логические цепочки, какими бы они ни были, не являются результатом расследования. Мрачный и сосредоточенный, он сидел над белым листом, исписанным вопросительными знаками.

В кабинет следователей зашёл полковник Орлов.

– Ну что, граждане следователи, к проверке готовы? – он хитро смотрел на Лисицыну и Семенихина. Те явно не разделяли его хорошего настроения. – А она уже прошла!

– Как прошла? – оба следователя выдохнули с облегчением.

– Разве вы не знаете, как проходят? Они даже не посчитали нужным заезжать сюда, ограничились моими бумажными отчётами. Орлов посмотрел на Семенихина и, отдав ему подписанное заявление на отпуск, вышел. Семенихин положил лист под стекло своего стола.

– Ты в отпуск уходишь? – удивилась Лисицына.

– Представь себе, три года не был! Ухожу в июле! Орлов настоял, чтобы перед проверкой я написал заявление! Я, конечно, хотел ограничиться неделей, как всегда, а потом решил, что поеду к родителям в Воронеж. Давно не видел их.

– Правильно, Леша. Неизвестно, когда ещё начальник тебе будет сам отпуск предлагать! – улыbnулась Валентина.

– Да ладно, Валя! Некогда отдыхать! На том свете отдохнём. У меня эти вопросительные знаки из головы не выходят!

Они вышли на террасу покурить.

Перед отъездом Анна сообщила Михаилу, что уезжает на лечение и не будет на связи. Он тактично пожелал ей здоровья и больше ни о чём не расспрашивал.

Да и зачем кому-то беспокоить Анну? В холдинге к ней относились прохладно из-за её мужа. Следователь допрашивал всех сотрудников, проводил обыск кабинета Юргиса, брал отпечатки пальцев... Он делал свою работу, ставя под удар репутацию Анны. Она стала привлекать к неприязненному отношению к себе, чувствовала злые взгляды сотрудников холдинга, менеджеров, техслужащих, брошенные ей вслед, слышала от них же сплетни и высказывания в свой адрес.

Только все это меркло для неё по сравнению с неприязнью, которую испытывал к ней Борис. Неужели все изменится? Как она теперь сможет поверить ему после визита в больницу Ирины?!

Глава 6

Привыкшие к южному солнцу и теплу, Анна и Татьяна Николаевна вернулись в Красноярск, где весна только начинала набирать обороты.

Кристина готова была задушить свою любимую подругу. Не в счёт были длинные разговоры по телефону Аниной мамы, бесконечные смс. Она отвезла Татьяну Николаевну домой, а Анне предложила пойти погулять и поужинать где-нибудь в городе.

– Ань, ты выглядишь прекрасно, румяная, цвет лица свежий! Мне нечего сказать – отдых пошёл тебе на пользу! – Кристина с восторгом рассматривала Анну.

– Спасибо, Крис! Ты тоже хороша: новый ухажёр? – Анна хитро улыбнулась.

– Да! От тебя не скроешь ничего! С нашей кафедры доцент один... Не важно, рассказывай, какие планы у тебя? – подруги присели за столик уютного ресторанчика.

– Крис, я жду ответ от одной небольшой фирмы... «СибирьСтрой», помнишь, я говорила? Я предложила им участие в краевом госзаказе, всё подготовила и сделала презентацию их услуг, а Отто подключил юриста Настю Королёву. Она помогла мне составить грамотную тендерную заявку на участие.

– Ну! Анька, ближе к делу! Не понимаю, как ты смогла разобраться во всем этом? – Крис хлопала длинными наращёнными ресницами.

– Крис, я пять лет работала в холдинге, приходилось во многое вникать! К тому же Настя помогла – сама бы я не справилась! Если их утвердят на участие, я получу солидный гонорар! И смогу внести задаток за квартиру!

– Тебе разве плохо с мамой? Она не обидится? – спросила Кристина.

– Нет, наоборот! Мама сказала, что мне нужно налаживать свою личную жизнь! – Анна закатила глаза.

– И я так считаю! Ты что, себя в старые девы записала, подруга? – рассмеялась Кристина.

Они долго болтали обо всём. Анна приехала домой поздно ночью. Включила разряженный телефон. Было много звонков делового характера, среди которых несколько входящих от руководства «СибирьСтрой». Больше ей никто не звонил... Анна в глубине души ждала, что ей позвонит или напишет Борис, но этого не случилось.

Кристина разбудила её утром. Она записала себя и Анну в салон красоты. Это было как нельзя кстати, так как следующий день после её долгого отсутствия был расписан до самого вечера всевозможными деловыми встречами.

Утро понедельника было по-весеннему тёплым. Остатки снега таяли под солнечными лучами, образуя грязные блестящие лужицы. Анна встала пораньше, чтобы неторопливо собраться и позавтракать.

Первой была запланирована встреча в «СибирьСтрой». Юристы с нетерпением ждали её возвращения из отпуска.

Офисное здание располагалось на правом берегу Енисея, на окраине. Директор встретил Анну в своём кабинете. Он радостно поприветствовал её, рассказав, что выиграли тендер.

Анна обрадовалась этому известию. Это был её первый успех как брокера! Она разговаривала с директором на равных как специалист своего дела.

– Скажите, как вы решили вопрос с обеспечением заявки? Я помню, вы не решались замораживать такую сумму из оборота?

– Пришлось оформлять тендерный займ в банке! Ничего страшного, я очень рад, что наша фирма вышла на новый уровень! Я этого все время сторонился.

– Я рада, Глеб Ильич! Согласитесь, это совсем другая выгода, нежели продавать квартиры населению?

На замечание Анны Ветров закивал и улыбнулся.

– И не говорите! Скоро лето, и уже начался такой спад! – он достал из ящика папку. – Анна Александровна, согласно нашей договоренности, в случае выигрыша тендера вы, как наш представитель и посредник во всех инстанциях, получаете 5% от суммы госзаказа. Как вам удобно получить деньги?

Анна оторопела от неожиданности. Ей казалось, что бумажная волокита, связанная с документацией, отсрочит её выгоду от сделки на неопределенный срок.

– Спасибо огромное, я не ожидала, что так быстро! К сожалению, только наличными! Вы сами, наверное, все понимаете? На языковой центр мы не сможем придумать услугу.

Конечно, Ветров все понимал. Она могла даже не заикаться о переводе на юридическое лицо.

В 11 утра Анна с полученным гонораром направлялась к парковке офиса «Сибирь-Строй». Она могла бы попросить Ветрова расплатиться с ней квартирой, например, только мечтала она о квартире в другом месте... Холдинг Колосовских через два месяца собирался сдавать прекрасный комплекс на Карла Маркса, монолитный, с обилием блестящих панорамных окон. Пока дом строился, Анна мечтательно любовалась им, проезжая мимо. Она давно решила, что если и будет покупать когда-нибудь себе квартиру, то только в этом доме!

Его проектировал Борис... Все его объекты нравились ей! Обладающий тонким вкусом, он подходил к созданию проектов с присущей ему сдержанностью, практичностью. Именно поэтому они были лучше всех! Лучше всех-всех на свете! Любимый... И такой далекий...

– Михаил Александрович! Добрый день, вы на месте? Я хотела бы подъехать! – Анна решила не откладывать дело в долгий ящик.

– Да, Анечка, закончил планёрку, пока на месте! Что-то случилось?

– Нет, все нормально, я скоро буду! – Анне не терпелось осуществить свою мечту.

Она ехала, поглядывая на сумку, в которой лежал свёрток. Неужели она сама смогла заработать столько денег? Наверное, Вселенная решила уравновесить материальными благами те сферы её жизни, в которых была пустота! Разве это равноценно? Нет мужа, нет личного счастья, зато теперь будет квартира! Неплохо! Анна внутренне улыбнулась.

Этот успех благодаря Отто! Его подсказкам, помощи, личному юристу, в конце концов. Разве это не любовь? С его стороны? Анна вспомнила о нем и решила позвонить:

– Привет, мой хороший! Что бы я делала без тебя!

– Аннет, милая... Говори ещё, прошу! Называй меня твоим! – он осыпал её признаниями.

– Ты представляешь, «Сибирь-Строй» выиграл тендер! Твоя Настя помогла мне с заявкой, я её составила, но она все перепроверила! – Анне хотелось сменить тему с лирической на деловую.

– Опять эта работа! Скажи, что я нужен тебе, прошу! – Анна не нашлась, что ответить ему. – Любимая, желанная...

– Отто, прошу тебя! Или я не буду звонить тебе больше!

– Хорошо, хорошо! Я помню, что ты ещё не развелась с мужем. Так разводишься скорее!

– Дорогой, давай сменим тему! Я благодарна тебе за помощь, для этого и позвонила!

Анна закончила разговор, подъезжая к офису холдинга, и увидела машину Бориса. Значит, он не в Германии...

Анна пришла запыхавшаяся от волнения, свежая, с розовыми щеками. Она трепетала от радости, от осознания предстоящей покупки собственной квартиры, а также возможной встречи с Борисом... Хотя после посещения больницы Ириной видеть его Ане совсем не хотелось!

Михаил Александрович ждал её в своём кабинете.

– Анечка, как ты? Как здоровье? Выглядишь прекрасно! – радостно поприветствовал Михаил и обнял её.

– Хорошо все, спасибо! Все позади! – она уже присаживалась поудобнее за столом.

– Ань, тебя не было на собрании. Горцев сделал расписку, дивиденды списали, все нормально! Анна совсем забыла про своё отсутствие на квартальном собрании, про долг и то, что она должна расписаться в протоколах.

– Михаил Александрович, я приехала по делу! Мне очень нравится ваш жилой комплекс на Карла Маркса, я готова купить там квартиру! Небольшую... Для себя!

– Отлично! Я очень рад, что несмотря на наши прошлые разногласия, ты ценишь наш профессионализм! – Михаил вызвал по телефону начальника отдела продаж.

– Вы – лучшие! Вы сами знаете об этом! – Анна улыбнулась.

Через пять минут в кабинет Михаила пришёл начальник отдела продаж с папками документов по этому объекту. Выяснилось, что квартир той планировки, которую хотела Анна, давно нет, их раскупили на старте продаж. Михаил искренне хотел помочь Анне.

– Анна Александровна, пройдемте в отдел, – они вышли из кабинета.

Сотрудники холдинга сновали по коридору, выходя из своих кабинетов, хлопая дверями, роняя папки. Анна так хотела, чтобы её не заметили, но возле дверей отдела продаж Михаила окликнула Берта с Ириной.

– Папа, мы тебя по всему офису ищем! – Берта гневно метала искры в сторону Анны. – Я думала, ты занят кем-нибудь важным!

Анна вжала плечи, ожидая её нападок.

– Добрый день, Берта Михайловна, Ирина! – она старалась быть вежливой. Михаил был недоволен тоном дочери и попытался отправить дам восвояси.

– Девочки, мы освободимся через полчаса! Берта, у тебя какое-то важное дело?

Никаких дел у них не было, кроме раздражающего любопытства. Ирина бесцеремонно рассматривала костюм Анны, её маникюр, причёску. Анна поняла, что дело, по которому она пришла к Михаилу, станет достоянием общественности. Берта вместе с Ириной не собирались никуда уходить. Берте просто необходимо было знать цель визита Анны: она считала, что все происходящее в холдинге должно было быть под её контролем.

– Нет уж! Мы с вами! – ответила Берта решительно, взяв под руку Ирину. Анна смирилась с их присутствием, надеясь лишь на то, что для неё найдётся квартира.

К большому удивлению Берты, компания зашла в отдел продаж. Она не смогла промолчать.

– У Рауде, как я посмотрю, появились лишние деньги? Насколько мне известно, ты, как поручитель своего беглого муженька, ещё не вернула долг?

– Берта, перестань! Это не твоё дело, какими темпами Анна Александровна собирается погашать долг! – Михаил заступился за неё. – И вообще, для чего вы пошли с нами?

Берта прикусила язык, решив умерить свою несдержанность.

Этот отдел был особым местом офиса Колосовских. Великолепный дизайнерский ремонт в светло-серых тонах, темно-серый блестящий пол из мрамора, люстры с кристаллами, удобные кожаные диваны. Компания подошла к демонстрационному столу.

– Анна Александровна, покажите на макете, где бы вы хотели квартиру?

– Вот здесь! Мне хотелось бы окна на проезжую часть! И этаж повыше! – она смущалась присутствия Берты и Ирины. Они, как молчаливые назойливые наблюдатели её выбора, решительно стояли рядом. Подошёл менеджер с распечаткой.

– Михаил Александрович! – обратился он. – Студий в этой позиции нет, они давно распроданы все! Есть с окнами во двор, но...

– Ну неужели ни одной нет? Обзвоните подрядчиков! С ними же расплачивались квартирами? – Михаил был явно расстроен.

– Папа, пускай тогда Рауде сама ищет через агентства недвижимости, наверняка там много предложений по этому комплексу!

Анна покраснела от досады и смущения. Меньше всего ей хотелось повышенного внимания к своей персоне.

Инициативу в свои руки взяла Ирина. Владелец ничтожно малого процента акций, она своими цепкими длинными коготочками хваталась за любую возможность устроиться в холдинге, быть в курсе всех строящихся объектов, тендеров. Но еще больше ей хотелось устроиться в жизни Бориса... Быть неотступно рядом с ним, держать на контроле его передвижения, его рабочие встречи, совещания. Она бесконечно звонила ему, писала нежные сообщения, присылала свои фотографии в течение дня, чтобы напомнить о себе, своём присутствии в его жизни.

– Ань, а ты бы не хотела вот эту квартиру? – она ткнула аккуратным ногтем в гель-лаке на схему планировки.

– Мне она очень понравилась, Ирин! Но позволить её я себе не могу, она больше и, соответственно, дороже! – ответила Анна.

– Посмотришь и изменишь своё мнение! Мы с Борей ездили её смотреть! Там шикарные панорамные окна до пола! Боря хочет расстаться со своей холостяцкой квартирой и обзавестись, наконец, нашим общим уютным гнёздышком!

– Ирочка, правда? Я так рада! Только вам с Борей эта квартира мала! Вам нужно вот такую! – её мечтательные излияния прервала Берта, ткнув пальцем на схему большой трёхкомнатной квартиры.

Анна чувствовала, как быстро бегущая по венам кровь образует вихри, пульсирует в ушах. Она глубоко вздохнула... Каждый визит в холдинг, даже самый незначительный, рождает бурю негативных эмоций. Холдинг стал ассоциироваться у неё с чистилищем. Здесь её чувства обнажались, растаптывались, и она сама как личность унижалась, обесценивалась... Ей показалось, что Михаил заметил, что она изменилась в лице.

– Что-то я не помню, чтобы Боря хотел квартиру в этом комплексе! – он метнул строгий взгляд на дам. – Анна, но я согласен с Ириной, давайте, я распоряжусь, и мы оформим рассрочку! Насколько захотите! Там разница не очень большая! А квартира эта и правда гораздо лучше той, которую вы хотели!

– Да как это не помнишь, папа! С холостой жизнью Боря давно хочет расстаться! Его маленькая квартирка подойдёт разве что моему Мишеньке. Семья не может жить в такой квартире! – воскликнула Берта.

Анна сжалась от этих слов. Семья... Теперь его семья будет жить с ней по соседству...

Наконец удовлетворённые внесённой лептой дамы покинули отдел продаж. Михаил Александрович распорядился, чтобы Анне, как акционеру, сделали скидку, и проводил её в кассу. Пока печатали договор долевого участия, он пригласил её в свой кабинет выпить кофе.

– Михаил Александрович, у меня к вам ещё одна просьба... – она сделала глоток. – Да, Анечка! – он смотрел на неё с абсолютным пониманием того, что происходило в её душе. Анне показалось, что он заметил, как изменилось её лицо при упоминании его сына...

– Можно мне не приходиться больше на квартальные собрания? – выдохнула она. – Вы сами сказали, что Горцев все начисленные дивиденды снял и подготовил расписки. Я буду приходиться после собрания и расписываться. И в протоколах тоже!

Михаил пристально смотрел на Анну, не зная, что ответить. Он понимал все: видел её состояние, замечал, как старшая дочь все время унижала Анну.

– Анна Александровна! Ну как мы справимся без вас? Неужели вам настолько не интересна работа холдинга? Вы – профессионал во многих сферах, у вас есть своё мнение, видение!

– Я благодарна вам за хорошее отношение, только... – она замолчала на миг, не зная, как объяснить, насколько ей мучительно тяжело видеть Бориса.

– Скажите мне просто: кто здесь вас обижает?

Она покраснела и не ответила.

– Хотите, я поговорю с Бертой? Раз и навсегда! Неужели вы обращаете внимание на них?

Анна уже пожалела, что начала этот разговор.

– Никто! Никто не обижает! Я взрослый человек и могу ответить.

– Тогда в чем дело? Мне нужны профессионалы в команде! Неужели вы, правда, считаете своё партнёрство с холдингом формальным? Тендеры международного уровня, федерального, краевого! Неужели вы думаете, я не знаю, как вы заработали деньги? – Анна густо покраснела.

– Я вам предлагала, Михаил Александрович! Каждое собрание, да и не только этот тендер! Отто в курсе многих международных заказов, конечно, без его помощи мне не удалось бы ничего.

– Что вы! Я не обижаюсь и горжусь вами! Вы правильно все делаете! Наш холдинг просто физически не потянет всё, нам хватает своей работы, помимо госзакупок! К тому же я опасаюсь сильно выпячиваться после истории с офшорными фирмами! Репутацию свою долгое время восстанавливал! Это, знаете ли...

– Знаю.... Моя репутация до сих пор страдает! Я так хочу, чтобы все закончилось поскорее...

В дверь постучали. Менеджер принёс договоры для Анны, она подписала их и положила в папку.

– Михаил Александрович, спасибо за прекрасную квартиру! За скидку! За рассрочку! – она улыбнулась. Нежный румянец тронул её бледные щёки.

– Не за что! Анечка, выброси глупости из головы и приходи на квартальное! – он похлопал её по плечу, провожая к выходу.

Счастливая, она быстрым шагом шла по лабиринтам коридора холдинга к лифту. Быстрее, чтобы не увидеть его... Не встретить и не посмотреть ему в глаза...

Анна вырulingвала с парковки, когда в кабинет отца постучал Борис.

– Пап, Аня уехала уже? – он был явно расстроен.

– Да, а зачем она тебе? – Михаил укоризненно посмотрел на сына. Его прежние колкости и издевки не прошли мимо внимания отца.

– Да так... Она к тебе приезжала? – Борису непременно хотелось знать всё о ней.

– Борис, ты знаешь, о чем она просила меня? – он пригласил его сесть.

– Нет.

– Она просила разрешения не присутствовать больше на квартальных собраниях! Ты понимаешь, почему? – он строго смотрел на сына сквозь оправу своих очков.

– Она жаловалась тебе? – Борис сконфузился. – По какой причине она не хочет приходить сюда?

– Нет, не жаловалась! Анна – слишком деликатный человек, чтобы жаловаться на кого-то! Но за вас мне было стыдно! Стыдно, понимаешь? – Михаил налил себе воды.

– Слушай, перестань меня, как мальчика, отчитывать! Я попросил у неё прощения... Тогда, в больнице!

– А ты ведёшь себя, как мальчик! Боря, ты взрослый мужчина, что она вам сделала? Ладно, Берта – я давно подозревал её увлечение Юргисом!

– Ты серьёзно? – у Бориса округлились глаза.

– Я прошу тебя, оставь Рауде в покое! Она старается, тянет семью на себе, зарабатывает везде, где можно! Ты в курсе, что она квартиру купила сегодня?

Конечно, Борис был не в курсе. Ирина сделала все, чтобы он сегодня не увидел Анну. Она потянула его в ресторан, хотя время было ещё не обеденное. Долго выбирала блюда, в конце обеда вспомнила, что не попробовала новый десерт. Борис терпеливо сносил её капризы. Он чувствовал, что вновь обрастает паутиной бесчувственности, ему снова стало всё безразлично,

незначимо. Он еще некоторое время слушал отца, потом попрощался с ним и направился в свой кабинет. Сел за стол и по телефону поручил секретарше пригласить начальника отдела продаж Иванникова. Ожидая его, подошёл к окну, наблюдая за летящими через мост машинами. Вечер разлил свои фиолетовые чернила над городом. Небо было ясным, по-весеннему чистым. Город сверкал огнями.

– Борислав Михайлович, вызывали? – Иванников был явно утомлён сегодняшним вниманием руководства.

– Да, присаживайтесь! Скажите, вы сегодня оформляли договор на Рауде?

– Да! Вот он, прошу! Только она оформила квартиру на свою маму. По доверенности...

Вы же понимаете, если всё-таки дело дойдёт до суда над её мужем...

– Понимаю... Она правильно сделала. Скажите, вы ключи ей отдали?

– Конечно! А разве не надо было? Анна Александровна захотела сразу после получения документов поехать её посмотреть! – Иванников захлопал глазами.

Борис смотрел в вечернее окно, за весь разговор он лишь пару раз обернулся.

– Конечно, надо! Какой номер квартиры? – Борис очнулся от созерцания огней вечернего города.

– 135 квартира во второй позиции... Вы договор смотреть будете? Там ещё рассрочка...

– Какая рассрочка? У неё денег не хватило?!

Иванников объяснил историю приобретения квартиры большей площади, подробно описав процесс её выбора, в котором приняли активное участие госпожа Миллер и Берта Михайловна собственной персоной. Борис был вне себя от досады. Он поблагодарил Иванникова, и они вместе покинули кабинет.

Борис вдохнул прохладный весенний воздух и сел в машину. Вечер плавно погружал город в ночную тьму. Небо было звездным, удивительно ясным. Он запустил двигатель и тронулся с парковки холдинга.

Позвонила Ирина. Она что-то мило щебетала в трубку, как ни в чем не бывало, не выдав себя ни одним жестом. Ни один мускул не дрогнул на её лице в течение рабочего дня. Ей почти удалось скрыть от Бориса визит Анны! Да что там визит – своё участие в её деле! Он не верил ей, не понимал её чувств, их искренности, подлинности.

Борис закончил разговор, въезжая на мост через улицу Карла Маркса. Скоро она будет жить там... И он никогда не увидит её жилища, уюта, которого он не замечал раньше! Он бывал сотни раз в её квартире, но сейчас с трудом пытался восстановить в памяти, как все у них там было, у Анны и Юргиса! Борис лишь помнил, что в гостях у Раудис ему всегда было очень хорошо!

Он развернулся в другую сторону под недовольные гудки встречных машин. Несколько кварталов, долгие светофоры, гудящие такси... Борис увидел дом собственного архитектурного творения. Ещё не заселённый, он был полностью готов к сдаче. Вокруг велись работы по благоустройству, забор ещё не снесли. Через железные ворота Борис проехал во двор. К его машине подбежал сторож.

– Добрый вечер! Борис Михайлович, смотрю – ваша машина или нет! Случилось чего?

– Здравствуй, Петрович! Мне подняться нужно в квартиру!

– А почему ночью? Забыли там чего? – Петрович дыхнул перегаром.

– Да! Именно так, забыли!

Борис приехал к ней в гости без приглашения. Украл эту возможность увидеть её дом. Петрович сонно пошёл за ключами и фонарем. Освещение в подъезде уже было, но лифты ещё не работали. Петрович открыл электрощитовую, что-то там включил, и загорелся свет.

– Борис Михайлович, вы уж сами поднимайтесь, без меня! – он вручил Борису ключи от квартиры. Один экземпляр ключей всегда оставляли на объекте на случай чрезвычайных ситуаций. Как раз подобная была сейчас у Бориса...

Лестничный пролёт едва был виден. Он медленно поднимался под шорох собственных шагов. Наконец-то её этаж... На лестничной клетке света не было, но предусмотрительный Петрович дал Борису лампочку. Он открыл дверь её будущего жилища, светя фонариком в замочную скважину. Будто вор, он вошёл в прихожую и вкрутил лампочку.

Прекрасная квартира с видом на мерцающий город, панорамное окно оформлено эркером. Борис в сумраке еле освещенных комнат подошёл к окну. На подоконнике лежал шарфик Анны, очевидно, забытый ею днём. Он поднёс его к лицу, вдыхая её запах.

«Анечка, родная моя...» – он прижался лицом к шелковому воздушному облаку аромата знакомых ему нежных духов, её тела и почувствовал давление в джинсах от нарастающей эрекции. Анна вызывала в нем такую бурю эмоций и чувств, сильных, страстных, порой неконтролируемых... Он ещё походил немного, представляя мысленно, как здесь всё будет после завершения ремонта, как сюда будут приходить гости, её жених Отто...

– Петрович! – сторож ждал его внизу. – Хозяйке не говори, что я приезжал. Не говори вообще, что в квартире кто-то был! – Борис сжимал в руке шарфик.

Сторож кивнул и забрал ключи. Борис выехал с территории по направлению к дому. Как теперь вернуть ей пропажу? Она сразу поймёт, что Борис приезжал в её квартиру тайком. Но объяснить свой поступок он не сможет. Решил находку не возвращать, а оставить себе... На память об Анне.

Глава 7

Почти бессонная ночь... Борис искал ответ на смысл её поступка тогда, в больнице. Почему она прогнала его? Он не мог понять: неужели то, что читает он в её глазах, ложь? Такие же ложь и притворство, которые исходят от Ирины? Или, напротив, Ирина испытывает искренние чувства, открыто и свободно говоря ему о них, решая всё за него, не ожидая от него первого шага или мужского поступка?

Как же Анька права! Её нелегко заслужить... Ей нужно всё. Значит, он не смог дать ей это «всё», или ей заранее известно, что не сможет дать! Он провалился в сон под утро, измученный собственными мыслями и чувствами. Зачем она тогда ночью пришла? Лучше бы всё было по-прежнему...

Утром, совершенно разбитый, он решил ехать на работу пораньше. Ирина спала в соседней комнате. Борис собрался тихо, не желая будить её, и уехал в офис. Он поднялся на этаж, где располагались кабинеты руководства. На месте был только отец. Берта никогда не приходила утром. Секретари и менеджеры неторопливо наслаждались временной свободой до прихода своих начальников. Уверенным быстрым шагом Борис направился в свой кабинет.

Анна не выходила у него из головы! Не покидала его мыслей... Но она не нуждается в нем, не верит ему, не любит... А Борис хотел помогать ей вопреки всему, оберегать её, заботиться! Делал ли Отто для неё ещё больше? Скорее всего, да, если она выбрала его!

Борис позвонил секретарше, попросил кофе и поручил пригласить Иванникова, начальника отдела продаж, как только тот появится в холдинге.

– Доброе, Борис Михайлович! – Иванников вошёл в кабинет, заметно настроженный повышенным вниманием к себе.

– Доброе! Принеси договор Рауде мне для изучения! – Борис хотел покончить с этим делом побыстрее.

Одна из девушек, сотрудница отдела, с которой была дружна в своё время Анна, принесла договор. Ему нужно было знать, сколько денег не хватило Анне для завершения сделки. Он подошёл к сейфу и попросил девушку позвать начальника. Через пять минут испуганный Иванников был в кабинете Бориса.

– Вот... Я не знаю, как вы это оформите, но Аня не должна знать, ты меня понял? Внеси в кассу и приложи чек к документам!

– Борис Михайлович, да как она не узнает-то? Она придёт платить через два-три месяца. И что я ей скажу?

– Чёрт! Не знаю сам, что скажешь! Мне надо подумать... – он протянул Иванникову пачку пятидесятирублевых в банковской упаковке. Тот стоял с округлившимися глазами, не понимая, как должен отреагировать.

Борис не мог придумать, как сказать ей об этом. Иванников прав: скрыть не получится.

Собрание акционеров Михаил назначил на начало июля. Берта в июне была в отъезде, да и сам Михаил не видел необходимости форсировать совет директоров из-за летнего спада продаж.

Анна обещала присутствовать. К тому же у неё было несколько зарубежных госзаказов, с информацией по которым ей помогла юрист Отто – Настя Королева.

С утра она была как на иголках. Видеть его, слышать его густой мужественный голос, смотреть в его карие глаза... Она накручивала себя до сумасшествия, представляя близость Бориса с Ириной. Вот кто подходит ему идеально! Высокая, статная... Анна представляла, как они сплетаются в экстазе! Себя молодая женщина вогнала в комплексы, считая непривле-

кательной. К тому же Ирина была намного её моложе! Хотя, к чему эти мучения? Она сама прогнала его из палаты, не в силах терпеть ложь!

На собрание Анна пришла в числе первых. Михаил похвалил её рвение к работе, сказав, что рад видеть. Борис с трудом сдерживал себя, чтобы не сесть рядом с ней! Хотя... Он выбрал место напротив! Все собрались, совещание начиналось.

«Любимая... Нежная...» – Борис не сводил с Анны глаз. Она немного пополнила после санатория, нежный румянец играл на её щеках. Волосы отросли и красиво лежали, завиваясь в светлые кудри. Нежный макияж, губы чуть тронуты блеском... Он не слышал ничего... Последний год на собраниях акционеров Борис не воспринимал никакой информации!

Дверь переговорного зала распахнулась, и присутствующие увидели Ирину, опоздавшую к началу собрания. Если бы она не пришла, никто бы и не заметил.

Короткая юбка выше колен. Яркий маникюр и помада. На шее красовался шёлковый розовый шарфик Ани, забытый ею в квартире!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.